



INKERI

Inkerin Liiton julkaisu

Päätoimittaja: Aleksanteri Kirjanen

Lehti oli perustettu v. 1884.

Uuoistettu v. 1998.

Газета была основана
в 1884 году.

Выпуск возобновлен
в 1998 году.

Факс: +7 812 234 86 54

Телефон редакции:

8 (812) 234-86-54

Издается при поддержке комитета
по местному самоуправлению,
межнациональным
и межконфессиональным
отношениям Ленинградской области

N:o 1 (086) kesäkuu 2016

Konttori: С.-Петербург, ул. Проф. Попова, д. 4а, корп. 22, оф. 303

2016

SIIRTYYKÖ INKERIN LIPPU MUILLE?

Viime vuonna ja sitä enemmän menneenä talvena Pietarissa tapahtui kovia, ulkopuolisille näkymättömiä ideologisia väittelyjä Inkerin lipusta ja n.s. ”Inkerin aktiiveista”. Edellä mainitut ovatkin seuraavan kirjoituksen kohteena.

Jo yli 10 vuotta sitten Pietariin ilmestyi joitakin ”aktiiveiksi” itseään kutsuvia henkilöitä, jotka nostivat Inkerin lippua useissa protestikoukussa. He pitivät itseään ”Inkerin aktiiveina”. Mikäli he eivät olleet yhteydessä Inkerin Liittoon, syntyi kysymys, keitä he ovat ja mihin he pyrkivät. Moni meistä sattui tutustumaan muutamiin ”Inkerin aktiiveihin”. He sanoivat olevansa kuka journalisti, kuka kotiseutututkija. He ikään kuin olivat kiinnostuneita historiasta, ja ikään kuin pitivät arvossa suomalaisia, ja samalla he lausivat sellaisia mielipiteitä, jotka ilmeisesti olisivat outoja monelle inkerinsuomalaiselle.

Pian keskusteluista paljastui, etteivät ”Inkerin aktiiveja” kiinnostaneet inkerinsuomalaisten ongelmat, eikä mikään historia. Samalla he eivät olleet missään suhteessa suomalaisiin, eivätkä harrastaneet suomen opiskelua. He olivat vaan omien ajatusten vallassa.

Tässä pitäisi kysyä, ymmärtävätkö ”Inkerin vieraat”, mitä he tahtovat ja mihin kutsuvat, minkä takia, jne. Kyllä sitä heiltä on kysytty monia kertoja, mutta selvää vastausta ei ole tullut. Vastauksesta saimme kuulla jotain sen tapaista, että inkerinsuomalaiset ovat rajoittaneet itseään etnisillä rajoillaan. Suomalaiset, näet, eivät jaksa ymmärtää ajankohtaa tai rohkeita ideoita.

Vieras ”Inkeri”

Näin Inkerinmaa olisi heidän mielestään itsenäisen valtion arvoinen alue, jonka eläjät ovat ”inkeriläisiä” (ingermanlanci), siis asuinpaikkansa mukaan. Tämän lisäksi heidän käsitysten mukainen Inkerinmaa on valtavan suuri, onko se sitten koko Leningradin alue tai vielä sitäkin laa-

jempi. Ei se haittaa että niin suuren alueen asukkaat ovat miltei kaikki venäläisiä. Tätä seuraavatkin jo aikomukset itsenäisestä valtiosta.

Kun vieras ihminen puhuu joutavia, ei kannata lähteä riitelemään hänen kanssaan. Toinen kysymys on, mitä se oikein tarkoittaa ja mitä siitä tosiasiaa tulee. Ensiksi mieleen tulee, että tässä voisi olla sellaista huonoa harrastusta, jotain muodin tapaista, joka, muuten, liikkuu pakkomiellesairausten rajamailla. Tämä ajatus tuntui todenmukaiselta, kun sattui Inkerin Liitossakin tapaamaan ihmisiä, jotka kertoivat samankaltaisia asioita, että näiden ”aktiivien” psyykkistä terveyttä voitiin epäillä.

Kaikkein suurta tyytymättömyyttä Inkerin Liitossa aiheutti nimenomaan se, että vieraat ”aktiivit” heiluttelivat Inkerin lippua. Tämä ei jäänyt huomaamatta viranomaisten taholtakaan, ja pian jo Inkerin Liittoa syytettiin siitä, että Inkerin lipun alla manifestoivat valtaa vastustavat.

Asia sai toisenlaisenkin käänteen. Aluksi tuntui että viranomaiset eivät pystyneet erottamaan Inkerin Liittoa muista. Puhjeenjohdajamme Aleksanteri Kirjasen oli pakko selittää niin suullisesti, kuin kirjallisestikin, että nuo ”aktiivit” eivät kuulu Inkerin Liittoon. Samalla Inkerin Liitto puolestaan ilmoitti, että Inkerin lipun käyttö kaikilta muilta ulkopuolisilta oli ehdottomasti kielletty. Sitä ei kuitenkaan riittänyt, vaan ”vieraiden” aktiivisuus jatkui.

Kenen lippu?

Inkerin lipun luvattoman käytön ongelma nostettiin Inkerin Liitossa esille jo vuonna 2007, ks INKERI 2007/1 (062). Inkeri-lehden sivuilla oli kerrottu Inkerin lipun synnystä v.1919 ja sen seuraavasta käytöstä, ks INKERI 2012/3 (078). Asia oli selitetty myös venäjäksi, niin ettei kenellekään selityksiämme lukeelle jäisi syytä epäillä, että Inkerin lippu on vain inkerinsuomalaisten liikkeen lippu, tai toisin sanoen,

että se kuuluu vain inkerinsuomalaisille. Muilla ei ole oikeutta käyttää sitä, koska sillä he aiheuttavat vahinkoa inkerinsuomalaisille ja se johtaa riitasuhteisiin suomalaisten kanssa. Vieraan, ulkopuolisen henkilön täytyy ymmärtää, että kun hän nostaa Inkerin lipun, hän petoksella ottaa oikeuden väittää jotain aivan omiaan mielipiteitä inkerinsuomalaisten puolesta, ja täten hän tekee vahinkoa inkerinsuomalaisille.

”Inkerin museo”

Samana talvena ystäväni Suomen puolelta kysyi minulta, mikä Inkerin museo avautui Pietariin? Se oli kuin dejavu. Onhan se pitkä ja surullinen tarina, muttei Inkerin museota ole yhä vieläkään onnistuttu avaamaan. – Tuon tiedon lähteenä oli Inkerin Kirjon kuukausilehti. Nyt piti käydä ja nähdä se omin silmin. Museoksi

Jatkuu sivulla 2



Siirtyykö Inkerin lippu muille?

Jatko sivulta 1

sanottiin kolme lasivitriniä. Näytelyesineistä jäi muistiin: ”Harppi. Löytynyt tihvinänkarjalaisilta”. ”Silitysrauta. Löytynyt tihvinänkarjalaisilta”. Sodan kauteen kuuluneet paperit eräästä suomalaisperheestä. Vasta tehdyt pyyhkeet, niin kuin vatjalaisilta. Nahkajalkineet, niin kuin vatjalaisilta, merkintöineen ”repliikki” (tarkoittaa: tehty alkuperäisen kappaleen mukaan). Tekijöinä taas uudet ”Inkerin aktiivit”. Kenen fantasia nimitti tätä museoksi? Mitä varten se kaikki on tehty? Mitä se palvelee? – Ei vastausta.

Karjalan kierros

Tämäniminen elokuva tehtiin Suomessa viime vuonna. Sen tekijä Arvo Tuominen yritti tehdä matkan ympäri Karjalan kannasta, jonka kuluessa hän näytti sen nykyisten asukkaiden tyyppejä. Kuvassa sanotaan – ja näytetään – kaikenlaista loruja, hyvällä suomalaisella huumorilla. Venäläisten tyytit ovat täysin karikatyyrisiä ja silti koko elokuva tuntuu pilkalliselta. – Tuomisen matka on kulkenut osaksi Pohjois-Inkerin kautta, ja eräs naispahanen esitetään ”inkeriläisaktivistiksi.”

Viittaan tässä erään inkerinsuomalaisen lausuntaan Karjalan kierroksesta:

”Miksi tuo Karjalan matka ja yleensä tämä ohjelma oli sekoitettu Inkeriin? Eikös Inkerin kansa ansaitse täydellisempää ohjelmaa? [...] Josko et pysty tekemään hyvää, ei tarvitse tehdä pahaakaan”.

Ihme ja kumma

Nyt me näemme ihmetellen kuinka ”Inkerin vieraat” ovat tervetulleet

Pietarin Suomi-instituutissa, sitten Suomessakin, jossa heitä esitetään niin kuin inkeriläisinä. Heidän toiminnasta kirjoitettiin täysin myönteisesti Inkerin Kirkon lehdessä, heidän kanssaan valokuvauttavat itseään arvoisat ihmiset. Todellakin joku meistä on väärässä! Arvoisat ihmiset, ettekö todellakaan tajua, että se, mitä he tekevät, on pelkkää väärää huijausta? Vai sopiiko se teille? Mitä varten?

Mielipiteitä

Tämän kirjoittaja kyseli inkerinsuomalaisia, mitä he luulevat ”vieraiden” toiminnasta.

Alppo: ”Tuntuu että se on järjestetty. Kannattais antaa oikeuteen. Mutta en ole varma että oikeus ottaa sen käsittelyyn. Juttu ei ole ainoastaan lipusta vaan Inkerin kansasta. Tällä tavoin käytetään suomenvastaista propagandaa, se on osoitettu nimenomaan inkerinsuomalaisia vastaan.”

Toikku: ”Oikean Inkerin Liiton tapaamisissa ja kokouksissa tämä asia on jo monia kertoja noussut esille, ihmiset ovat ihan raivoissaan. Ihmiset vaativat lopettaa tämän kaiken. Toivomme että viranomaiset tekisivät kaiken että Inkerin paljon kärsineen kansan solvaaminen loppuisi.”

Saku: ”Se on järjestettyä, kysymys on siitä, kenelle tästä on hyötyä tai etua. Mahdollisesti se järjestettiin sen takia, jotta saisi syyttää inkerinsuomalaisia epäluotettavuudesta, ja sen kautta lopettaa inkerinsuomalaisten kysymys kokonaan.”

Anukka: ”Tämä toiminta visiiin ylläpidetään Suomesta. Siellä on aina kysyttyä idän aihe. Inkerin Liitto ei ole enää ihme, mutta nämä sopivat hyvin. Ikävä kyllä, mutta Suomessa on runsaasti ihmisiä, joi-

den ajatukset ovat suunnattu Venäjää vastaan.”

Pauhku: ”Heidän toiminta on yhteiskuntavastainen. Sen tarkoituksena on se, jotta me törmäisimme toinen toisensa kanssa. Heidän intressi on räjäyttää meidän seura.”

Mielipiteet tuntuvat samanlaisilta. Kaikki yhtyvät siihen että ”vieraiden” toiminta on jonkun järjestämää tai ylläpitämää joltain taholta, ja että inkerinsuomalaisille on siitä pelkkää vahinkoa.

Miksi näin tapahtui?

Monet kysyvät toisiltaan, miksi ja miten on voinut olla näin, että inkerinsuomalaisten liikkeen symboli siirtyi muille, luvatta, käytettäväksi oudon ja mielenvastaisen asian hyväksi? Muistamme nyt, että Inkerin lippu ei koskaan ollut Venäjällä rekisteröity inkerinsuomalaisten eikä Inkerin Liiton merkkinä. Tästä seuraa, että käyttää tätä lippua saisi kuka vaan, oman harkintansa mukaan. Pitääkö sitten rekisteröidä Inkerin Lippu liittomme merkiksi? Tästäkin kuulee eri mielipiteitä, mm. siitä lähtien Inkerin Liiton tulee vastata ”vieraiden aktiivien” teoista. Seuraavaksi toinen kysymys: olisiko Inkerin Lippu rekisteröity Inkerin Liitolle kuuluvaksi, riittäkö se, jotta voisi pysäyttää ”vierasta” toimintaa?

Tässä paikassa teen vaikeita kysymyksiä Inkerin Liiton omille. Eikö tuo ”vieras” toiminta ole kasvanut sen yhteydessä, että Inkerin Liitto on tullut heikoksi, että sen toiminta näkyy teennäiseltä myös Inkerissä asuneille suomalaisille, niin että vain harva Inkerissä asuva suomalainen tukee Inkerin Liiton toimintaa, mutta useat kritisoivat sitä?

Paljonko inkerinsuomalaisia on Inkerin Liitossa? Missä on inkerinsuomalaisia enemmän, Inkerin Liitossa vai sen ulkopuolella? – Vastaukset ovat silmin nähtävät. Ja mikäli Inkerin Liitto sulkeutui itseensä ja näin syrjäytyi inkerinsuomalaisten päämäärästä, paljonko eroa on Inkerin Liiton toiminnan ja tuon ”vieraan” toiminnan välillä? – Tästä on eri mielipiteitä.

Enemmän savua kuin tulta

Paljonko on ”vieraita aktiiveja”? – Ei kymmentä henkeä enempää, luukun ottamatta myötätuntoiset. Mitä pahaa on heistä? – He vaan samentavat vettä ja luovat varjon inkerinsuomalaisille. Paljonko jäseniä on Inkerin Liitossa enää? – ei enempää kuin 300 henkeä. Mitä he tekevät? – Tanssivat, laulavat ja vissiin harrastavat suomen kielen opiskelua. Paljonko on suomalaisia Inkerissä? – On yhä muutama tuhat. Ja sen jälkeen vastatkaa, ovatko nykyiset taistelut Inkerin lipusta suu-remppaa kuin myrsky vesilasissa?

Voidaan väittää, että noin 30 vuotta sitten harva Inkerissä asunut suomalainen tiesi Inkerin lipusta. Nykyään se tunnetaan, vaikka inkerinsuomalaisille ei siitä paljon hyvää tullut. Totta on sekin, että v.1918-19 Inkerin lipun alla taistelleet jättivät itsestään huonon muistin, nim. Kirjasalossa, Korkeallamaalla, Lempäälässä ja Miikkulaisissa. Pitääkö taitella lipusta, kun sota on ohi?

Lopuksi

Tässä artikkelissa ei mainittu monia nimiä. Näin on tehty jottei loukattaisi hyviä ihmisiä ja myös jottei tehtäisi mainostusta kunniattomille. Mutta jos joku lukija tunnistaisi jonkun heistä, niin siinä ei olisi pahaa.

A. Krjukov



AGRICOLA-KONFERENSSI NARVASSA

«Agricolan päivä ja suomen kie-
li» -konferenssi pidettiin 8-9 huh-
tikuuta Narvassa Tarton yliopiston
kollegiaan salissa. Historioitsijat, kie-
litieteilijät ja kansatieteilijät saivat
erinomaisen mahdollisuuden vaihtaa
kokemusta suomalais-ugrialaisten
kansojen kielten ja kulttuurien säilyt-
tämistä koskevista kysymyksistä,
jopa väitelläkin asian ympärillä sekä
tietenkin tutustua lähemmin toisiinsa.
Oli hienoa todeta, että tässä foor-
umissa oli hyvin esillä juuri Inkeri-
teema.



Vladimir Batuhin

Konferenssi avasi lähetyspapi
Arvo Survo, joka kertoi Inkerin
evankelis-luterilaisen kirkon histo-
riasta. Pastori Vladimir Batuhinin
esitelmä koski Narvan suomenkie-
listen jumalanpalvelusten historiaa.
Narvassa 1700-luvulta alkaen toimi
suomalais-ruotsalainen Pyhän Mi-
kaelin kirkko, joka tuhoutui Toisen
maailmansodan aikana. Kyseiselle
seurakunnalle kuului myös ns. Viron
Inkerissä sijainnut Kallivieren kap-
pelikirkko. Sodan jälkeen Narvassa
P. Aleksanterin kirkossa kirkkoherra
Elmer Kull aloitti v. 1960 ensimmäi-
set suomenkieliset jumalanpalveluk-
set inkerinsuomalaisten varten.

Vatjan- ja inkerois-kielen säilyt-
tämisen ohjelmasta kertoi etnografi
Olga Konkova. Inkerois-kielisen si-
vistyksen ja kirjallisuuden lyhyestä
historiasta kertoi kyseisellä alueella
asuva inkeroisaktivisti Elizaveta
Glavan. Konferenssin osanottajat tu-
tustuivat myös tunnetun virolaisfilo-
login Heinike Heinsoon ohjaamaan
dokumenttiin, joka kertoi Luutsan
kylässä pidetystä vatjan kielen kurs-
sisarjasta. Skuuritsan kirkkoherra ja
filologi Pavel Krylov omassa esitel-
mässään kertoi, että tunnettu kirjaili-
ja Roald Tolkien luki Kalevalaa, oli
opiskellut suomea ja kirjoitti jopa

englanninkielisen Kullervon histo-
ria -nimisen sadun (The story of the
Kullervo), joka oli julkaistu vasta
2005. Inkeri-lehden varatoimittaja



Seilarit Toih

Antti Pyykkönen piti Viron Inkerin
kulttuuri- ja yhteiskunnallista elämää
koskevan esitelmän.

Keskusteluihin osallistuivat
myös kielentutkija kielitieteen tohtori
Mehmet Muslimov, Soikkula-
seuran aktiivi Dmitri Harakka-Zaitsev,
Gjol-kustannustalon johtaja Mi-
hail Braudze.

Konferenssin kulussa oli puolin
ja toisin jaettu tärkeitä myös karjalan
ja vepsän kielten säilyttämistä kos-
kevia ideoita, kerrottu viron kielen
murteista sekä unkarin kirjakielen
historiasta.



Lopettajaisiksi Arvo Survo ker-
toi kalevalaisen messun syntyhisto-
riasta ja vain puolen tunnin kuluttua
kaikki jo saivat olla mukana hänen
kanssaan kertaamassa Korpi-mes-
sun säkeitä. Konferenssin aikana oli
myös järjestetty kiertoajelu Narvas-
sa, joka 1600-luvulla oli Inkerin pää-
kaupunkina.

Foorumien järjestäjinä olivat Tar-
ton yliopiston Narvan opisto, Izhevsk-
in yliopisto sekä paikallinen Inke-
rin Liitto.

Antti Pyykkönen

KRONIKKAA

Inkerin Liiton vuosikokous

IL:n vuosikokous pidettiin 19
maaliskuuta Pietarin Kansojenta-
lossa. Puheenjohtajaksi vaalittiin
Aleksanteri Kirjanen; Inkerin Liit-
ton neuvoston jäseneksi tulivat Vil-
jo Ostonen, Irina Ostonen, Konstan-
tiin Uljanochkin, Arvi Korkka, Niina
Anikanova (Ärttö), Dmitri Harakka-
Zaitsev, Svetlana Tregub, Wladimir
Kokko, Elvira Kirillova, Tatyana By-
kova, Aleksanteri Kirjanen.

Kalevalan päivä – 2016

Kalevalan päivää vietettiin 26
tammikuuta Venäjän Maantieteelli-
sen Seuran talossa. Kalevalan maa-
-festivaalin puitteissa pidettiin las-
ten piirrosnäyttely, talon portailla
esitettiin Kalevala-perinteen mukai-
sesti suunnitellut nykyiset vaatema-
lit, lapset olivat kirjoittamassa han-
hisulilla Kalevalan runoja, ihan kuin
Lönroot noin puolitoista sataa vuot-
ta sitten. Kanteletta soittivat Pietarin
Inkerin Liiton aktiivi Toivo Pumalai-
nen ja hänen oppilaansa Daniil. Kale-
valan runoja laulaen esittivät IL:n
jäsenten lapset Elvira Kirillovin joh-
dolla. Sinä päivänä oli myös esitet-
ty kaksi uutta Karjala-aiheista elo-
kuva.

Juhla Pyhän Marjan kirkossa

Aarre Kuukaupin piispana pal-
velemisen 20-vuotisjuhlaa vietettiin
jumalanpalveluksin 17 tammikuuta
P. Marjan kirkossa. Messussa palve-
livat kirkkoherra Mihail Ivanov ja
pastori Aleksei Uimonen, ehtoollis-
essa Inkerin piispan lisäksi palve-
livat, Suomen evankelis-luterilaisen
kirkon emeritus piispa Jukka Paar-
ma, piispa Voitto Huotari sekä pas-
tori Seppo Häkkinen. Messun jäl-
keen Inkerin kirkon piispa sai olla
vastaanottamassa onnitteluja niin
omista seurakunnistaan, kuin myös
muiden kirkkojen edustajien puo-
lesta.

Suomalais-ugrilaiset saivat uu- den pääkaupungin

7-9 tammikuuta Setomaan Obi-
nitsassa (Kaakkois-Viroa) pidettiin
Suomalais-ugrilaisen maailman pää-
kaupunki-2015 viimeiset tilaisuudet.
8 tammikuuta Obinitsa luovutti tit-
telin ja sen symbolin (puinen lin-
tu) unkarilaiselle Iszkaszentgyörgy
(suomeksi Pyhä Yrjö) kylälle. Seto-
kaiskylään olivat kokoontuneet usei-
den suomalais-ugrialaisten kansojen
edustajat. Avajaistilaisuuteen osallis-
tuivat Eestin tasavallan presidentti

Toomas Ilves ja ulkoministeri Ma-
rina Kaljurand. Kaksipäiväisen foor-
umin aikana osanottajat kertoivat
omista ongelmistaan ja suunnitelmis-
taan, jakoivat keskenään kokemuksi-
aan. Inkeristen Soikkula-yhdistyk-
sen aktiivi Dmitrij Harakka-Zaitsev
kertoi puolestaan Leningradin alu-
een inkeristen, vatjalaisten ja inke-
rinsuomalaisten järjestöjen yhteis-
työstä.

Karjalan Inkerin Liitto lopetti toimintansa

Toukokuussa 2016 Petroskois-
ta tuli tieto Karjalan Suomalaisten
Inkeri-Litto (KSIL) toiminnan lak-
kaamisesta. Tämän uutisen ilmoitti
KSIL:n puheenjohtaja Vladimir Ko-
lomainen. Hänen sanojensa mukaan
päättös toiminnan lopettamisesta on
tehty toukokuun loppupuolella. Hän
korosti, että se ei ole lähtöisin viran-
omaisilta eikä ole tehty muodollisista
syyistä, vaan on liiton perustajien
päättös.

Tällaisen päätöksen syynä Ko-
lomainen nimittää kaikkinaisen toi-
minnan puutteen ja mm. Karjalassa
asuneiden inkerinsuomalaisten akti-
viisuuden puutteen. Kolomaisen
selityksen mukaan liiton toiminta
oli suunnattu ennen kaikkea n.s. pa-
luumuuton palveluun. Nykyään pa-
luumuutto on lopussa. Karjalassa
asuneista suomalaisista toiset ovat
jo muuttaneet ja toiset muuttamas-
sa Suomeen. Karjalaan jäivät eivät
ole olleet mukana liiton toiminnas-
sa. Kolomainen myöntää, että pa-
luumuutto on ollut liiton toiminnan
oikeana moottorina. Mikäli paluu-
muutto päättyy, KSIL:n toiminta me-
nettää perusteensa.

Vladimir Kolomainen valittiin
KSIL:n puheenjohtajaksi v.2013.
Hän oli järjestön 4:s johtaja (Santeri
Pakkasen, Juho Mullosen ja Vadim
Byrklandin jälkeen).

Toivottavasti Karjalan suoma-
laisten yksityistoiminta jatkuu, mm.
viedään loppuun Sandarmohin muis-
tipatsaan asettaminen. Osa Karjalan
inkeriläisistä kuuluu Karjala - Suomi
seuraan, joka vetää myös joitakin in-
keriläisaiheisia projekteja.

Toimittaneet

Antti Pyykkönen ja A. Krjukov



Äidin viimeiset sanat pysyivät mielessäni koko elämäni ajan

Maria Tselovalnikovan (o.s. Iljainen) muistelmia

Olen syntynyt 25 huhtikuuta v. 1925 Länkiojan kylässä (venäjäksi Malye Garry). V. 1930 isämme Matti jäi junan alle ja kuoli. Äitimme Aino työskenteli lypsäjänä kolhoosissa. Perheessä oli 5 lasta.

Vuoden kuluttua isän kuoleman jälkeen kylässämme alkoi kollektivisointi. Meiltä otettiin iso kaunis peili eteisestä. Hevonen veti ”kulakki-
en” tavaroiden kuormittamia rattaita. Päivä oli kesäinen, aurinkoinen. Peilimme kiiksi aivan taivaanrantaan asti. Kun aloin käydä koulua, tunsin peilimme heti. Se oli koulun aula. Juoksin katsomaan peiliimme joka väliajalla. Äitimme kielsi minua kertomasta siitä, että peili oli otettu talostamme.

V. 1941 22. heinäkuuta sain tietää naapureilta, että sota alkoi. Kun kerroin äidilleni, hän ei uskonut. Seuraavana päivänä postinkantaja alkoi kantaa haasteita. Kukaan ei enää epäillyt. Vanhemmat veljet Antti ja Aleksanteri kutsuttiin laivastoon. He katosivat tietymättömiin.

Monet kylän asukkaat määrättiin kaivamaan taisteluhautoja. Kylämme joutui piiritykseen. Päivällä ja yöllä jatkuvasti kuului taistelujen tykistötuli. Vanhempi sisko Aino alkoi jo ennen sotaa työskennellä tehtaassa Leningradissa. Kerran hän ei palannut kotiin. Saimme tietää vain muutaman viikon kuluttua tuttavilta, että heidät oli siirretty kasarmijärjestykseen. Ei kukaan päästetty kotiin.

Sotilaat ottivat perunoita kellarista. Meillä ei ollut kortteja. Veli Paavo täytti 12 vuotta. Me kuljimme kolhoosin pelloilla ja kokosimme sadon jätteitä. Kun alkoi halla loka-kuun alussa, kylään tuli sotilasmiehiä. He purkivat taloja sanoen, että Leningradissa ei ole mitään poltettavaksi. Asukkaat kaivoivat korsuja, asuimme niissä jonkin aikaa. Sitten meidät määrättiin asumaan parakkiiin Kolpinon äärellä.

Äiti alkoi työskennellä pyykkärinä sotasairaalassa ja sai 250 gr. leipää kortin mukaan. Minä ja Paavo saimme 125 gr. Autoimme äitiä, mutta meille työkortti ei ollut määrätty. Ajoimme veden reellä. Kerran joku varasti rekemme. Oli pakko kantaa veden käsin ja kulkea muutama kerta enemmän. Joulukuussa kaduille ilmestyi ruumiita. Menin katua pitkin, nainen makasi. Menin takaisin, naiselta oli leikattu povet.

23 maaliskuuta tuli sotilashenkilö. Hän vaati äidiltä näyttää pas-



Maria (keskellä), Paavo-veli ja Paavon vaimo Tamara. Šmidta-niemellä, v. 1955

sin. Äiti oli oikein heikko ja ei voinut nousta. Hän antoi oman leivän meille. Näytimme äidin passin hänen asemesta. Sotilashenkilö sanoi, että huomenna alkaa evakuointi ja käski valmistautua. Hän sanoi, että voi ottaa jopa 16 kg mukaan.

Seuraavaksi päiväksi tulivat sotilashenkilöt. Äiti ei voinut kulkea itse, hänet kannettiin käsillä. Emme ottaneet lähes mitään, meillä ei ollut voimia kantaa. Ajoimme avoimessa kuorma-autossa. Kova tuuli puhalsi. Sain suostumaan ajajan istuttaa Paavon autokoppiin. Kun ylitimme Laatokan järven, alkoi pommitus. Äiti ehti sanoa viimeiset sanat:

— Varjele Paavo.

Ihmiset kätkeytyi, kuka mihin ehti. Äitimme jäi autoon, hän ei voinut nousta. Kun palasimme, hän jo oli kuollut. Hänet ja lisää muutamat ruumiit kannettiin pois ja pantiin tien viereen. Kenelläkään ei ollut voimia kaivaa maata ja haudata. Meidän käskettiin istua vaunuun. Vaunussa ihmiset kuolivat. Kun juna seisahti, ruumiit heitettiin ulos. Paavon vedettiin ulospäisyä kohti. En tiedä, mistä minulle ilmestyi voimia. Tartuin häneen:

— Jätä hänet. Hän onhan vielä elossa!

— Tyttö, hän kuoli.

— Ei, hän on vielä elossa!

Joku sanoi:

— Tyttö meni järjeltään. Jättää poika. Heitetään seuraavalla asemalla.

Kun juna lähti, Paavo alkoi liikkuu.

Täytin äidin viimeiset sanat loppuun asti. Minä ja Paavo jäimme eloon vain koska olimme rehellisiä. Jos me saimme vaikka pienimmän palasen, jakelimme kahteen ja aina tasan. Ei ollut ajatustakaan piilottaa murun toiseltaan. Junassa meille annettiin inhottavaa keittoa. Oli vaikeaa ymmärtää, mistä se oli tehty. Sattui, että hyvät ihmiset antoivat asemilla. Meitä vietiin muutaman kuukauden lehmävaunussa.

Mihin meidät ajetaan, miksi niin kauas? Ei kukaan tiennyt. Emme puhu siitä koskaan, meidän on tarkempaa silloin jäädä eloon. Kesälä 1942 me pääsimme Lena-joelle. Heti tuli käsky lähteä proomulle. Kanssamme oli saksalaisia, baltteja, kreikkalaisia. Purjehdimme Lena-jokea kuukauden, sitten jäämurtajalla meritse. Lopuksi pääsimme Jana-joelle Kazatshje-kylään. Minut ja Paavo asetettiin parakkiiin.

Minut määrättiin suolaamaan kaloja. Myös käskettiin tulla kerran kuukaudessa ja kirjoittautua komendantin virastossa. Paavo otettiin orpokotiin. Pyysin kovin jättämään hä-

net minulle. Lupasin, että voin huolehtia hänestä. Minua ei kuunneltu.

Vanhempi siskomme Aino ei evakuoitu kanssamme. Meillä ei ollut yhteyttä häneen moneen vuoteen. Lähetimme pyyntöjä moneen virastoon. Kaikkialta oli kielteisiä vastauksia. Vasta v. 1956 hän löytyi Tallinnasta. Hän meni naimisiin ja vaihtoi sukunimen. Kysyin muutama kerta, mitä hänelle sattui siihen aikaan. Joka kerta hän poistui vaiti.

V. 1943 tutustuin tulevaan mieheeni. Ivan kosi, lupasi ottaa Paavon orpokodista ja järjestää hänet sotilaspistoon. Uskoin ja menin naimisiin vain, että Paavon olisi parempi. Mies oli puolueen jäseneksi kandidaattina. Häntä ei hyväksytty, koska vaimonsa oli suomalainen. Hän moitti minua kansallisuudestani:

— Muista, kuka olet.

V. 1944 miehieni sai määräyksen Tshuktshian säähavaihtoasemalle. Hän suostui ottamaan Paavon mukaamme, hänelle myös löytyi työ, mutta ehdolla, ettemme puhu suomea. Työskentelimme monta vuotta. Meille syntyi 4 lasta. Perheemme palasimme miehen kotimaalle Hotkovoan Moskovon alueelle v. 1957. Paavolle ja hänen vaimonsa Tamaraalle syntyi 2 lasta. He ostivat talon Seuloskoista v. 1962.

Kirj. Janina Emilia Iljainen

ГЛАВНОЕ – ПРИВЛЕЧЬ АКТИВНЫХ ЛЮДЕЙ!

В преддверии Съезда «Инкерин Лиитто» полезно подвести итоги прошедшей ингерманландской «двулетки», понять, что удалось и что не удалось, сделать выводы и наметить планы на будущее. На вопросы корреспондента «Инкери» отвечает председатель Общества «Инкерин Лиитто» Александр Кирьянен.

– Александр Иванович, сейчас, в преддверии Съезда, можно подвести итоги прошедших двух лет. Какие события в жизни общества, достижения Вы хотели бы особо отметить?

– Каких-то особенных, из ряда вон выходящих событий не было. Продолжалась обычная работа общества. Среди мероприятий хотелось бы отметить прошедшие в октябре в Колпанах торжества, посвященные 230-летию открытия в Малых Колпанах первой финской школы. Праздничные мероприятия совпали с Днём Ингрии. Уже несколько лет успешно проходило празднование Масленицы, одновременно мы проводили лыжный кросс «Сквирицкая лыжня», полюбоившийся многим. Практически всю работу по подготовке и проведению этих мероприятий осуществляют заместитель председателя «Инкерин Лиитто» Вильё Остонен и пастор Сквирицкого прихода Павел Крылов. Юханнус в 2014 году мы впервые в истории общества праздновали в Сестрорецке, в 2015-м – в Туутари-парке. В этом году мы снова будем проводить Юханнус в Сестрорецке.

Из организационной работы отмечу, что все эти годы мы также продолжали работу в рамках

Всемирного консультативного комитета финно-угорских народов, собираемся участвовать во Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Лахти в июне 2016 года. Также продолжается сотрудничество с Ассоциацией финно-угорских народов РФ. «Инкерин Лиитто» и многие её местные организации участвовали в заседании парламента зарубежных финнов в Хельсинки. Также отмечу, что председатель ИЛ входит в состав советов по национальным и межконфессиональным вопросам при губернаторах Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также Дома национальностей СПб и Дома дружбы ЛО. Советы ИЛ проводились почти ежемесячно за исключением некоторых летних месяцев. ИЛ поддерживает связи с ингерманландскими финнами и их организациями в Эстонии, Финляндии и Швеции. Ежегодно наши коллективы выезжают на летние праздники в эти страны.

– Численный показатель – не главный, но все же значимый. Сколько человек состоят сейчас в «Инкерин Лиитто», сколько местных организаций в ИЛ? Каковы тенденции – растут ли наши ряды?

– Предоставить данные по количеству членов общества не могу. Они часто меняются. Бывает, что в какой-то период люди активно участвуют, потом отходят, приходят другие люди. Сбор взносов, как и учёт, налажен далеко не во всех организациях.

– В каких местных организациях работа развивается наиболее активно? Есть ли потери – организации, прекратившие деятельность?

– Да, есть потери. Но есть и новые организации, центры притяжения, возникшие там, где их раньше не было. Наиболее активно идет деятельность в Санкт-Петербургской городской организации, председатель Елена Семёновна Тикка. Организация в Тюрё (Стрельна, Петергоф, Ломоносов), председатель Татьяна Ивановна Быкова, недавно приняла решение влиться в городскую. Развивается работа в Сестрорецке и Зеленогорске. Хотя эта местная организация входит в состав СПб городской организации ИЛ, но есть у них свой местный лидер, Екатерина Заика. Активно работает отделение в городе Сосновый бор. В Туутари люди группируются вокруг прихода, в окрестных деревнях достаточно много финнов, есть интерес к национальной культуре.

Серьёзная работа ведётся в Гатчине, председатель Владимир Петрович Яковлев, его заместитель Нина Андреевна Аниконова-Эрте. Усилиями Нины Андреевны создан ансамбль народной песни «Хопеаярви», активно работает мастерская прикладного искусства. Можно прямо сказать, что Нина Андреевна – основной мотор финского национального движения в Ленинградской области – за что она получила памятный диплом от губернатора ЛО. В Тайцах действует организация «Инкерин Тупа», председатель Дмитрий Поляков. В Пудости очень активно работает Вильё Остонен, создавший новую местную организацию. Особый упор в Пудости делается на спорт. Ежегодно там проходят этапы кубка мира по метанию сапога и фестиваль национальных игр.



В Сквирицах сохранению национального духа способствует пастор Павел Крылов, человек, любящий и ценящий финскую культуру, умеющий рассказать о ней. К сожалению, в Сквирицах осталось мало активных финнов. В результате Юханнус уже который год мы там не проводим. В Волосовском районе действует приход в Губаницах, дом престарелых в Кикерино, однако нашей заслуги в этом нет.

Ещё есть ижорская община «Шойкула» в Вистино, водские активисты в Лужицах и Краколье, ижорский и водский музеи. С этими организациями нас связывает многолетнее сотрудничество. Они участвуют в наших мероприятиях, мы вместе выезжаем выступать с концертами. Эти организации активно борются за сохранение окружающей среды, против планов строительства промышленных объектов. Мы, по мере возможности, поддерживаем их. К сожалению, давно уже прекратила работу организация в Выборге, но живущих там финнов объединяет церковный приход.

Продолжение на стр. 6

НОВАЯ КНИГА: «КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК. ПУТЕШЕСТВИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ»



Так называется только что вышедшая в издательстве «Инкери» книга известного историка-краеведа Андрея Сырова и журналиста Марины Мягих. Издание предназначено для самостоятельного прочтения детьми, однако легко может заинтересовать и взрослых. Читатели узнают о великолепной природе Карельского перешейка, о древних временах, рыцарях и замках, о старых усадьбах и знаменитых дачах. Книга задумана как путеводитель. Это яркое подарочное издание в твёрдом

переплёте объемом 136 страниц, большого формата. Книгу иллюстрировала детский художник Анна Янчук. Для удобства – крупный шрифт, плотная бумага, слова с ударениями, словарь в конце каждой главы.

Книга как нельзя лучше подходит для детей, изучающих финский язык. Путешествуя вместе с авторами по дорогам и тропам края, юные читатели откроют для себя много нового и интересного, с головой погрузятся в мир былой финской культуры Карель-

ского перешейка. Читатель познакомится с историческими финскими названиями, знаменитыми людьми, памятниками архитектуры. Книга скоро появится в магазинах сети «Буквоед». Предполагаемая стоимость издания – свыше 500 рублей.

Сегодня есть возможность купить книгу напрямую от издательства – за 300 рублей. Для этого нужно отправить заявку по э/почте inkeri_ktalo@mail.ru или позвонить по телефону 234-86-54.

Главное – привлечь активных людей!

Окончание. Начало на стр. 5

Теперь – о ситуации за пределами Ленинградской области. В Москве есть приход, есть национально-культурная автономия, но людей там немного – человек 10. Есть небольшая, но активная организация в Пскове, которой руководит Хилья Коростелева. Там даже была зарегистрирована национально-культурная автономия. В Иркутске, Красноярске, Якутске работа практически прекратилась – все активисты уехали в Финляндию. Очень давно ничего не слышно из Нижнего Новгорода, Череповца и Владикавказа.

– Возвращение родного языка – одно из важнейших направлений работы общества. Как сейчас обстоят дела с курсами для начинающих, детскими группами?

– До 2011 года у нас были бесплатные курсы для начинающих. На них могли заниматься все желающие ингерманландские финны. Те, кто планировал выезд в Финляндию, шли потом на консульские курсы – более сложные.

В разных местах были курсы для продолжающих изучение второй и даже третьей год. Однако с 2011 г. прекратилась постановка на очередь для переезда в Финляндию и начальные курсы стали платными. Число желающих изучать язык резко сократилось.

Это, конечно, для нас большая потеря. И сейчас при «Инкерин Литто» для желающих есть платные группы. Но, конечно же, людей, готовых изучать язык на платной основе, гораздо меньше. Успех: при городской организации ИЛ на Пушкинской, 15 второй год работает детская группа.

– Мы всегда негативно оценивали выезд в Финляндию, поскольку родина ингерманландских финнов – здесь. Как, на Ваш взгляд – изменилась ли тенденция, снизился ли интерес к «репатриации»?

– Вы правильно поставили слово «репатриация» в кавычки. Наша Родина, родина ингерманландских финнов под Петербургом. Да, интерес к «репатриации» сократился. Люди стоят в очереди, но, когда подходит их время, откладывают отъезд. Особенно те, у кого здесь высокий общественный статус, есть работа, жильё. Скажу начистоту – в Финляндии на социальном пособии хорошо нашему пенсионеру, который здесь часто обречён на нищету. А вот здоровому молодому мужчине, которому нужно зарабатывать, обеспечивать семью...

На высокооплачиваемую работу устроиться фактически нет шансов. А идти на низкооплачиваемую невыгодно, срезают все льготы, перестают платить пособия, приходится платить налоги. Нередко сидеть на пособии выгоднее, чем работать, и многие

просто деградируют. Я знаю не так уж мало людей, которые вернулись обратно. Годы, проведенные в Финляндии, конечно, принесли им и определенную пользу – разговорный финский, знакомство с финским менталитетом, трудовыми отношениями.

– С какими трудностями сталкивается работа общества, что из намеченного пока не удалось выполнить?

– Главная трудность – уменьшается количество ингерманландских финнов и в Ингерманландии, и в составе общества. Многие разочарованы в обществе, поскольку ожидали помощи в трудоустройстве на высокооплачиваемую работу, либо оплачиваемой работы в самом обществе. Естественно, хорошо, если бы было хоть какое-то количество активистов, постоянно выполняющих ту или иную работу в интересах общества, и получающих за это вознаграждение. Но для этого нужно находить гранты, а их получение – большая работа, требующая времени. К примеру, сейчас у нас устанавливаются контакты с экологами, возможна совместная работа по охране лесов и озер. Но будет ли кто-то постоянно (фактически – как на работу) бесплатно выезжать за город, в леса?

– Как Вы оцениваете отношения с правительством Ленобласти? Появились ли какие-то новые перспективы сотрудничества, взаимодействия?

– Оцениваю позитивно, сотрудничество развивается. Наши предложения в большинстве случаев встречают поддержку, например, проведение Юханнуса. Чаще это моральная поддержка, чем материальная. К сожалению, изменения в законодательстве вносят дополнительные осложнения. Например, если администрация выделяет средства на проведение праздника, то необходимо проводить конкурс для определения организации, которая станет исполнителем. Хотя и так понятно, что проводить праздник будем мы, и сторонние исполнители нам не нужны.

Вот в 2015 году к годовщине Победы на Суворовском, 67 была организована небольшая фото-выставка. ИЛ также представило материалы об ингерманландских финнах, участниках Великой Отечественной войны. Но мы не забыли показать постановления Комитета обороны и Ленинградского фронта о 100% высылке всего финского населения.

– Какие направления работы Вы считаете наиболее важными на следующие два года? Какие задачи необходимо решить в первую очередь?

Для того, чтобы у нас было будущее, нужно привлечь как можно больше активных людей. В первую очередь – молодых.

Беседовал Андрей Пюккенен

IN MEMORIAM

ИРМА ХЯМЯЛЯЙНЕН (ДРИЖАЧЕНКО)

5.5.1924 – 2.6.2016

2 июня 2016 года в Петербурге в возрасте 92 лет умерла Ирина Хямяляйнен (Дрижаченко). Её отец – Исаакки Хямяляйнен – был кантором в Скворицком приходе, замучен большевиками и умер в начале 1920-х годов. Мать – известный учёный, профессор биологии Петрозаводского университета Айно Лутта.

Ирма пережила блокаду, была выслана из Ленинграда в 1942 году «по национальному признаку» без права возвращения в Ленинград, но позже смогла вернуться из ссылки. Получила образование геолога в ЛГУ. Играла на скрипке в университетском оркестре. Много работала в экспедициях по стране. В 1990-е годы ездила в Финляндию по работе как переводчик. До конца

жизни она читала литературу на финском языке. В прошлом она поддерживала связь с ИЛ. У неё две дочери и несколько внуков и внучек.

Отец Ирмы, Исаакки Хямяляйнен, родился в Кезелево примерно в 1885 году, закончил семинарию в Колпанах и затем работал школьным учителем, служил кантором в разных местах Гатчинского района. Последним местом служения перед его гибелью была деревня Пязелево, Venjoen kirkko. Там он служил также учителем и кантором. Он играл не только на органе, но и на многих других инструментах – флейта, альт, фисгармония, был очень одарённым музыкантом. В конце 1922 года его арестовали большевики как служителя церкви, и через год за-

ключения он погиб, не смог выжить. Это был декабрь 1923 года. В мае 1924 года у его супруги Айно родилась Ирма.

Айно Лутта была младше своего мужа Исаакки на шестнадцать лет. Детство Ирмы связано также с дер. Гуммолосары. Оттуда была Майя Хюннинен, которая воспитывала Ирму и стала для нее второй матерью. Ирма очень любила её всю жизнь. Айно Лутта посвящала почти всё своё время научной деятельности, поэтому о ребенке всегда заботилась её подруга Майя. Семейство Лутта (к которому относится и мой дед Вяйнё Лутта, брат Айно) происходит из деревни Малое Рейзино, тоже Гатчинского района.

Яри Лутта



К ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ 1936 ГОДА

Жителей Ленинграда-Петербурга с послевоенного времени занимает вопрос: почему к северу от нашего города много следов финских деревень, но нет ни самих деревень, ни их жителей. При этом, судя по довоенным картам, эта местность была довольно плотно населена. Все понимают, что опустынивание (прошу прощения у географов) северных окрестностей Ленинграда как-то связано с войной. Но остаётся загадка – что именно произошло? Когда? Куда делись жители? Судя по вопросам, которые мне задают, эта тема остаётся тёмной для многих – даже для интересующихся и много знающих людей.

О выселении жителей из бывшего приграничья в 1936 году мы писали в газете ИНКЕРИ в связи с 70-летием и 75-летием событий, см. ИНКЕРИ 2006/4 (059) и 2011/1 (074). Обе публикации были на финском языке. Очевидно, пришло время рассказать об этих событиях по-русски.

Тема переселения 1936 года заслуживает обстоятельного исследования. Надеемся, что будут и исследования, и публикации воспоминаний. Сейчас ограничимся краткой информацией по случаю круглой даты – 80 лет выселения.

В начале 1930-х годов к тогдашней советско-финской границе прилегал Куйвозовский финский национальный район. Он был образован в 1927 году из существовавших к тому времени (1926 год) Куйвозовской и Токсовской волостей. С 1933 года это был район сплошной коллективизации: после нескольких волн выселения т.н. «кулаков» и «убийц Кирова» здесь не осталось крестьян-единоличников. Конечно, не все местные жители работали в колхозах, но с традиционным земледелием к 1932-33 годам было покончено: вся земля была закреплена за колхозами.

До 1932 года полное выселение целых деревень не практиковалось. В 1932 и 1935 годах жителей нескольких деревень (Реппо, Рогозинка, Термоллово) ещё переселяли в соседние деревни. Полное устранение гражданского населения из приграничья было, по-видимому, решённым делом где-то к 1935 году. Проект

переселения составлялся, конечно, в тайне, но какие-то сведения о предстоящем переселении доходили до населения – то ли в виде слухов, то ли в виде закрытой информации для партработников. Именно ввиду известий о будущем переселении отдельные – но, конечно, не многие – главы семей сочли за благо переселиться в Токсово (Матвей Корка, д. Левоска), уехать в Россию (Михаил Павлов, д. Корккинен) и т.д. Вместе с жителями приграничья (rajaseutulaiset) под переселение попали многие деревни «с полигона» (palikoonakylät).



Весной 1936 года о будущем переселении объявили колхозникам. Той весной яровых уже не сеяли. В колхозах царил упадок, будущее представлялось непонятным.

Колхозникам выдали деревянные ящики для вещей. Количество имущества, которое можно было брать с собой, не ограничивалось. За оставляемые дома и другие постройки хозяевам выдали денежную компенсацию – видимо, небольшую (никто не мог назвать суммы – рассказчики в то время были детьми).

Само переселение происходило в мае, июне, июле 1936 года. Отправка происходила со станций Васкелово, Грузино и Токсово. Переселяли целые колхозы вместе с колхозным имуществом и со скотиной. При погрузке в поезд играл оркестр – это запомнили, кажется, все. Люди ехали в вагонах-теплушках, скотники – вместе со скотиной. Поездка продолжалась день, вечер и ночь. Выгружались на незнакомых станциях, там их встречали местные колхозники с подводами. Переселенцев развезли по деревням (очевидно, заранее намеченным) и расселили

в пустых домах. Пустых домов было достаточно – это тоже все помнят. Чьи это были дома? Возможно, хозяева этих домов были высланы, или – скорее всего – это были крестьяне-единоличники, вынужденные бросить свои дома и уехать в город.

Местом высылки были восточные районы Ленинградской области (сейчас это районы Вологодской и Новгородской областей). Переселенцы считали, что их увезли «на 101-й километр» (фактически – на 501-й).

Колхозы переселенцев объединили с местными колхозами.

В ленинградском пригороде переселения там практически не было – но, помимо финнов, там жили ижоры, они же «православные финны», считавшие себя «русскими», у них были русские имена и фамилии. Советская власть, по-видимому, рассматривала их как тех же финнов – то есть, как нежелательный элемент. Таким образом, в результате выселения 1936 года была ликвидирована компактная группа ижор Северной Ингерманландии (Троицмякский приход).

Какой была дальнейшая судьба переселенцев? В 1937-38 годах многие из них были арестованы – уже в местах высылки. В 1941 году оставшихся в местах высылки – их было довольно много – выслали в восточные районы страны (вопрос не изучен). После войны многие из них вернулись туда, куда их сослали в 1936-м – поскольку родные места оставались для них под запретом.

Уехавшие под Ленинград в большинстве попали под немецкую оккупацию в 1941 году, откуда в 1943 они были отправлены немцами в Эстонию, а затем в Финляндию; в 1945 году многие из них бежали в Швецию.

Что происходило в их родных местах? По свидетельствам людей, тайно посещавших родные места, осенью 1936 года во многих деревнях домов уже не было – очевидно, их разобрали, и куда-то вывезли. Сохранились некоторые большие населённые пункты, такие как Лемболлово и Никулясы – их обитателями стали военные. Известия об этом исходят от нескольких женщин, которые избежали выселения, поскольку были жёнами офицеров.

Строительство Карельского Укрепрайона (КаУР) началось в 1928 году, но строительство военных городков развернулось в 1936-м – после выселения деревень. Куйвозовский район был ликвидирован, районным центром стало Токсово. Очистка приграничных местностей от гражданского населения окончательно прервала нелегальные связи местных финнов с Финляндией. Можно думать, что вместо сельского населения в опустевшем приграничье разместили войска.

Продолжение на стр. 8

К истории переселения 1936 года Окончание. Начало на стр. 7

Среди советских финнов распространено мнение, что с выселения 1936 года началась подготовка к войне с Финляндией, начавшейся спустя три года (в 1939 году). В общем, это мнение представляется естественным. Однако конфигурация построек КаУРа говорит о том, что это были оборонительные сооружения. Неужели ждали нападения со стороны Финляндии? Тем временем в Финляндии строили «линию Маннергейма» – ждали нападения со стороны СССР.

После войны для большинства ингерманландских финнов Ленинградская область оставалась закрытой до 1956 года, да и потом в родные места вернулись единицы. На местах большинства деревень – пустоши. Посёлок Верхние Никулясы исчез в 1960-х годах. Возрождённый Старый Белоостров был повторно выселен в 1970-х годах – ради садоводства. Названия нескольких деревень сохранились за военными городками (Гарболово, Елизаветинка, Керро, Лемболово, Ненимяки) и кордонами (Волоярви, Камешки, Майнила). На местах некоторых выселенных в 1936 году деревень – большие посёлки (Агалатово, Васкелово, Чёрная Речка); довоенных жителей там совершенно нет. На месте д. Масельки построен пос. Стекланный.

Ниже мы впервые публикуем список деревень Северной Ингерманландии, ликвидированных к концу лета 1936 года (почти все – в течение мая, июня, июля 1936 года). Список составлен по свидетельствам бывших жителей этих деревень. Этот список нужно ещё уточнять.

Приход Valkeasaari: Аккази, Алакюля, Александровка (только колхозники), Заболотье, Каллелово, Камешки, Майнила, Медный Завод, Мертуть, Мотторово, Ново-Алакюль (Konunkylä), Редуголь, Старый Белоостров, Чёрная Речка (Alosaari).

Приход Lemraala: Агалатово, Варзолово, Волколово, Елизаветинка, Большое и Малое Кайдолово, Кандолово, Кирьясалы (Новые и Старые Кирьясалы, Аудио,

Пузомьяки, Тигомьяки), Большие и Малые Коркемяки, Большие и Малые Коросары, Кюляятка 1-я (Miskumäki) и 2-я (Jatko), Лавоземьяки, Лаппалайземьяки, Лавошкка, Лемболово 1-е (Lopotti), 2-е (Takakylä) и 3-е (Metsäkylä), Лехтокуля, Луккармяки, Маролово, Масельки, Муратово (вкл. Пеньемьяки), Муустолово (вкл. Пекинмяки), Мюллюмяки, Накколово, Новая (Liantaka), Оримяки, Охта, Пасторат (Kirkonkylä), Перемьяки, Ривольмяки, Рюппелево, Стекланный завод (Lasenmäki), Суделово, Термоллово (1935), Тинолово, Хейнолово, Хипельмяки, Шванилово, Юдикалово.

Приход Vuole-Miikkulainen: Катумы, Койвокуля (Vuoleen Koivukylä), Коркино (Korkkinen), Лехтуси (частично), Верхние и Нижние Никулясы, Носово,

Путкелово, Реппо (1932), Рогозинка (1932), Салокюля, Сергеевка, Большое и Малое Соилово, Сокелово, Тозерово.

Приход Toksova: Койвокуля (Toksovan Koivukylä – частично), Кеземьяки, Короземьяки, Муустози, Мойзио, Пелгози, Пурново, Рантолово, Раялово, Роухийязи, Сувенмяки, Ханнолово.

Православный приход Мяки (Mäkiinkylä): Бояримьяки, Ваньколово, Васкелово, Вейколово, Комолово, Мискулово, Ненимяки, Новая (Lerikko), Пекколово, Ристолово, Симоново, Троицемьяки, Ховимьяки, Юшкелово.

В 1934-36 годах происходили выселения деревень также и в Западной Ингерманландии. Там ликвидация деревень не сопровождалась

ждалась высылкой жителей на 101 километр – им дали возможность переселиться в соседние деревни.

Деревни Западной Ингерманландии, ликвидированные в 1934-36 годах:

Приход Kosemkina: Арсия (советская часть), Вейно, Курголово, Мертвицы (советская часть), Дома рыбаков (Liesiranta), Морской берег (Pienoja), Ольховый ручей (Lerroja), Новая Ропша (Ropsunalus).

Приход Soikina: Колгомпя, Купля.

История ингерманландских финнов – это история ссылок, арестов, унижений. И систематических умолчаний.

А. Крюков



Восточные районы Ленинградской области, куда – по сведениям автора – переселяли жителей Карельского перешейка в 1936 году: 2 Бабаевский, 8 Боровичский, 15 Вытегорский, 23 Кадуйский, 28 Ковжинский, 41 Мошенский, 42 Мяксинский, 54 Пестовский, 55 Петриневский, 59 Пришекснинский, 69 Устюженский, 70 Хвойнинский, 71 Чагодощенский, 73 Череповецкий, 75 Шольский. Возможно, что выселяли и в другие районы, но на сегодня об этом у нас нет сведений.

ХЕЛЬМА В ЛЕБЕНЦЕ

Был у нас учитель с очень необычной фамилией – Китранин. Мы даже хотели дразнить его, никто не мог понять – что значит его фамилия? Уже закончив учиться, мы узнали, что, оказывается, он был Китрайнен. Но все равно, для нас осталось загадкой – а зачем ему понадобилось это скрывать?

Много позже, занимаясь историей своего рода и деревень, откуда мы все пошли, а это один из западных районов Вологодской области, иногда я наткнулась на финские фамилии. Конечно, я знала, что здесь когда-то жила весь. Но все-таки странно было, что финны упоминались лишь в 1930-50-е года и проживали только в одной деревне – Лебенец.

Сначала я прочитала о доярке-ударнице, потом были жертвы политических репрессий, и, еще больше заинтересовавшись, я стала приглядываться к другим фамилиям этой деревни и разглядела такие же странные переименования, как и когда-то у моего учителя. Например, Нурмин, Нурминский – похоже на Нурминена, расстрелянного в 1938 году.

Лебенец – красивая деревня с большими крепкими домами. Видно было, что здесь жило немало зажиточных семей, и не случайно, что много местных жителей отсюда подверглось арестам, ссылкам и расстрелам.

Придя работать в Ленинградскую областную универсальную научную библиотеку, я узнала о великой трагедии ингерманландских финнов. Наш район (тогда он входил еще в Ленинградскую область) был определен как одно

из мест высылки жителей из приграничной полосы.

Совершенно случайно, в интернете, у тети своих подружек я увидела фотографию, а к ней и подпись «Хельма Мустонен» – да ведь это же та самая доярка, а до войны – работница свинофермы. И «работница – золото!», как сказал о ней председатель колхоза! И она же, тетя моих девочек – Валентина Богачева – из Лебенца! Я решила ей написать.

Вообще, послевоенные дети – как и ровесник лебенецкой уроженки – мой папа – о репрессиях слышали мало. Если где это и происходило, то только не у них в деревне. И на вопрос – а где отец нашего соседа? – Он умер до войны. – А почему осталась вдовой эта бабушка? А куда делась испокон веков жившая у нас семья таких-то? На многое открыла глаза ему я своими изысканиями.

«Наташенька, я была маленькая, разве мы думали об этом? Когда и как она попала к нам, я не знаю» – пишет В. Богачева-Данникова. «Она [Хельма] была очень хорошая женщина и очень бедная. И она говорила интересно, не по-нашему, но мы понимали. Дочка у нее была Лиля, примерно ей сейчас 75 лет».

Читаю в Книге памяти ингерманландских финнов: «Мустонен Хильма Матвеевна (1922), уроженка Петроградской губернии. Выслана военными властями. Находилась под надзором органов МГБ. Освобождена от спецпоселения в 1947 г. на основании приказа МВД СССР № 00544.

«Мы все, и взрослые и мы маленькие, все собирались у них



Семья Богачевых. Хельма за спинами.

в доме, а точнее в избушке. А потом эта избушка все хирела и хирела, и лагать ее было некому. А потом мы уехали в 15 лет и больше я о ней ничего не знаю. Лиля уехала куда-то, а Хельма, наверное, умерла в деревне».

Больше пока узнать ничего не удалось. Надо сказать, что и могилы Хельмы Мустонен я на нашем деревенском кладбище не нашла...

Скоро настанет лето, и я обязательно заеду в деревеньку Лебенец, стоящую в стороне от больших дорог.

Наталья Махова

От редакции. «Хельма» – русское отображение финского имени Хельми (Helmi), подобно тому как Saimi > Сайма и др. Откуда родом была Хельми Мустонен, трудно сказать. Нет никакой уверенности, что «Хельма» и Хилма Матвеевна из «Книги Памяти Финнов» – одно и то же лицо (всё-таки Хилма – это другое имя). Фамилия Китранин, по-видимому, далека от финского оригинала (насколько нам известно, фамилии Китрайнен не существует). Дорогие друзья, продолжайте ваши поиски, пожалуйста.

НАМ ПИШУТ

«Музей Ингрии» в церкви Святой Анны

За последней год мне не раз задавали вопрос – знаю ли я что-нибудь о Музее Ингрии в Петербурге. Пришлось поинтересоваться и сходить.

Церковь Св. Анны внутри такая же, как и год назад – деревянные мостки, закопчённые стены, свисающая с потолка краска. Допустим, никто не даёт денег на ремонт. Однако, похоже, что адский антураж по душе организаторам мероприятия («стильненко»).

Бородатые молодые люди, похожие на народовольцев, другие –

по крайней мере, один – в бутфорской военной форме. Строгие испытующие взгляды. Катя Кузнецова в водском костюме. Запах тушёной капусты.

«Музей» – экспозиция, занимающая 4 стеклянных витрины. Об экспонатах, их происхождении известно мало. «Утюг. Найден у тихвинских карел». «Циркуль. Найден у тихвинских карел». «Кибас. Грузило для сети. Тихвинские карелы. Береста». «Кожаная обувь. Водь. Реплика. Автор – Екатерина Кузнецова». «Вышитое

полотенце. Водь. Автор – Екатерина Кузнецова». Есть и тексты, в которых перепутано, кажется, решительно всё.

У организаторов «музея» интересные представления об Ингрии. Похоже, что «Ингрией» они считают Ленинградскую область в её современных границах. А ещё у них странные представления о том, что такое музей. «Реплики» хороши для перформанса – чем, собственно, и можно признать по недоразумению названную «музеем» тусовку. Чего хотели (хотя) её-

его организаторы – лично мне непонятно. Несколько экспонатов – это не музей, это антураж, фон для чего-то другого. Я не увидел в этом ни просвещения, ни культуры. Зато много пропаганды – дешёвой и некачественной. Абсолютно чужой. Прямо-таки марсианской.

Как можно называть это музеем? «Лучше хоть что-то, чем ничего», говорят многие. Не согласен. Я бы сказал иначе: «Лучше не трогать чужого».

Вяйне Вирки

ПАЛОМНИЧЕСТВО ПТИЦ

Меня зовут Наталия Бомова, я живу со своей семьёй в Петербурге. Я профессиональный переводчик английского языка. У меня небольшое предприятие, которое предоставляет переводческие и консультационные услуги российским и зарубежным клиентам, физическим и юридическим лицам.

Я вышла замуж за Александра Ахмонена в 1976 году, в 1979 году родился наш сын Антон. В это время, когда в нашей стране происходили большие социальные и экономические изменения, мы жили с родителями Александра в Санкт-Петербурге. Его отец, Андрей Петрович Ахмонен, рассказывал нам о своей матери – Марии Ахмонен, урождённой Питкя, и племяннице Марте, которые находились в Финляндии в 1943-45 годах. Сестра Андрея Петровича, Ольга, бесследно исчезла во время войны. Другой родственник, брат матери – Антти Питкя («дядя Антти») не вернулся в СССР. Предположительно, он остался в Финляндии со своими детьми – тремя дочерьми – после войны 1941-45 года. Мы хотели найти этих родственников и начали поиски в 90-х годах. Россия становилась частью мирового сообщества, и мы не хотели больше жить в изолированной стране. Перед нами было два направления поисков – одно, связанное с Ольгой Ахмонен, тётёй моего мужа (документы находились в России), и второе, связанное с членами семьи Питкя (документы находились в Финляндии).

В 1990-х годах мы отправили письма в архивы и в другие государственные и церковные учреждения в России и Финляндии. В отношении Ольги Ахмонен не было продвижения. Однако, в 1993 году, после смерти Андрея Петровича Ахмонена, его жена – Мария Владимировна Ахмонен, урождённая Сотникова – передала нам документы, датированные 1944 годом, из которых следовало, что Ольга была расстреляна в Ленинграде в 1942 году.

Андрей Петрович, конечно, знал об этом, но не хотел рассказывать детям об этих эпизодах семейной истории. Андрей Петрович вообще мало говорил, а о своём прошлом рассказывал крайне мало. Его близкие – мать, сестра и племянница – пострадали из-за



Андрей, Пётр, Мария и Ольга Ахмонен. Около 1934 г.

своей национальности, и он таким образом оберегал свою собственную семью – жену, её сына от первого брака и своих собственных двоих сыновей – от возможных неприятностей.

Мы получили ответ из Национального Архива Финляндии от 20 сентября 1993 года, и из прихода Евангелической Лютеранской церкви в Тампере от 30 мая 1996 года. В первом письме сообщалось, что Анна Питкя, прабабушка моего мужа, и Мария Ахмонен, его бабушка, с июня 1943 года до января 1945 года находились в Финляндии. Дочь Марии Ольга, которая родилась в 1917 году, во время войны была в Ленинграде. А дочь Ольги Марта, родившаяся в 1938 году, в это время находилась в Тампере с бабушкой. Анна умерла в Финляндии в 4 января 1945 года. Во втором письме сообщалось, что в указанный период Мария Ахмонен и Марта были прихожанками Евангелической Лютеранской церкви в Тампере. Марта вернулась вместе с бабушкой Марией Матвеевной Ахмонен в СССР. Они жили сначала в Сандовском районе Калининской области, но вскоре, с помощью Андрея Петровича, смогли вернуться в Ленинград. Мария Матвеевна умерла в 1953 году, а Марта жила с семьёй Андрея Петровича, но, как мы выяснили впоследствии, не была удочерена им. Затем она вышла замуж, у неё двое детей. Она здорова и поныне.

В 2009 году мы обратились с запросом об Ольге в Информационный центр (ИЦ) Министерства

внутренних дел в Санкт-Петербурге – и получили оттуда ответ, содержащий информацию об Ольге Троицкой (её последняя фамилия), её адрес в Ленинграде, с описанием её преступления, приговора и его исполнения – со ссылками на статьи Уголовного Кодекса военного времени. Вскоре после этого мы получили письмо из Прокуратуры Санкт-Петербурга, где было указано, что в 1993 году Постановлением указанного учреждения Троицкая (Ахмонен) Ольга Петровна была реабилитирована. Посетители ИЦ также сообщили нам, что мы, как родственники, можем прочитать дело Ольги в Федеральной Службе Безопасности. Дело поразило нас ещё больше.

История Ольги драматична. Она не эвакуировалась из Ленинграда в 1942 году. Её мать и 4-летняя дочь находились в деревне Петрово Скворицкой волости, которая была оккупирована немцами. Ольга хотела попасть туда и искала способы, а также людей, которые могли бы сопровождать в родную деревню. В июне 1942 года она была арестована на квартире подруги, и ей было предъявлено обвинение в том, что «она была связана с резидентом иностранной разведки Стенбергом, который вел свою шпионскую деятельность на территории Ленинградской области». Плодом предполагаемых отношений была Марта – это предполагали потому, что девочка родилась, когда Ольга не была замужем. Альфред Стенберг был

одним из близких друзей Ольги, однако – по словам самой Ольги – их роман закончился в апреле 1936 года. Марта родилась в мае 1936 года. Ольга утверждала, что отцом Марты был другой человек – Михаил Яценко. В результате недолгого расследования (2 месяца) она была признана виновной в том, что она собирала группу людей, чтобы попасть на территорию, оккупированную врагом. 9 августа 1942 Ольга была расстреляна. Ей было 25 лет. И вероятно, мы никогда не узнаем, были ли действительно Михаил Яценко отцом Марты, или Ольга использовала его имя, чтобы защитить свою маленькую дочь.

Андрей Петрович Ахмонен не рассказывал об Ольге, и всё, что представлено здесь, мы нашли сами. Также и её дочь Марта как будто стыдилась истории матери – несмотря на то, что Ольга полностью реабилитирована. В частности, Марта не захотела считать себя жертвой политических репрессий и получать соответствующую денежную помощь от государства.

Судьба «дяди Антти» (Андрея Питкя) оставалась неясной. Летом 2009 в Обществе ингерманландских финнов в Санкт-Петербурге я познакомилась с Пяйви Тукиа. В дополнение к её доброжелательности, она оказалась профессионалом в сфере генеалогии. Мы начали переписываться, и в процессе переписки по электронной почте я рассказала ей известные нам фрагменты семейной истории. Мы знали не так уж много – имена, примерные даты, географические названия. Но за поразительно короткий период времени Пяйви сделала для нас то, что многие архивы не могли сделать в течение многих лет – она провела исследование на основании подлинных документов из финских архивов и прислала его результаты нам.

Пяйви нашла документы, из которых следовало, что прадедушка моего мужа Магги Питкя (родился в 1839 году) был женат дважды. У него было 4 детей от первого брака с первой женой Анной Вянни и одна дочь от второго брака с Анной Бьерклунд. Они жили в деревне Питкяля (Питке-лево) Скворицкой волости.

Матти Питкя умер на родине, а его жена Анна Питкя (р.1858) прибыла в Тампере через Клоогу 1 июля 1943 года, вместе с дочерью Марией Ахмонен (р.1888). Мария была вдовой Петра Ахмонена (р.1889), умершего в 1934 году. Семья Ахмонен знала город Тампере, так как Пётр служил там солдатом в финском полку предположительно в 1907-17 годах.

В исследовании Пяйви Тукиа мы нашли информацию о детях Матти Питкя от первого брака. Мы узнали, что двое из четырёх детей – Ева (р.1863, в замужестве Павлова), и Адам (р.1877) – умерли ещё до войны. Два других сына к началу войны были живы, и они попали в Финляндию. Их звали Антти и Юхо.

Юхо Питкя (р.1875) приехал в Финляндию, в Ойтти, в ноябре 1943 года. К этому времени его жены уже не было в живых. С ним было двое детей – Мария (р.1912) и Мэт (р.1913), Они жили в Хейнола, а затем 9.12.1944 были отправлены из Лахти в СССР. Пока мы не нашли этих родственников.

Разгадана и тайна «дяди Антти». Антти Питкя (р.1873) в 1930-х годах был уже пожилым человеком. Он приехал в Финляндию со своей семьёй в ноябре 1943 года. «Дядя Антти» умер в Финляндии 28.3.1945. Его вдова Катри жила в Ханко и умерла в 1951 году.

У Антти и Катри было две дочери – Анна и Мария – а не три, как нам рассказывали. Старшая сестра Анна (р.1905) вышла

замуж и родила троих детей – Хельми, Тойво и Хильду (р.1935). Семья жила в Ханко и в 1948 году переехала в Швецию. Младшая сестра Мария также вышла замуж. У нее была одна дочь, которую также звали Хильда. Они остались в Финляндии.

Приход в Ханко сообщил, что дочь Марии Хильда Никконен живет в Финляндии, в Хельсинки, со своим сыном. Мы написали им письмо. Члены семьи Анны нашлись в Швеции, в Гётеборге. Это Хильда Паакконен, урожденная Питкя, и две ее дочери – Ким и Элизабет, а также жена и трое детей её покойного брата Тойво.

Они приехали в Санкт-Петербург в августе 2010 года.

Мы встретили их в гостинице, и я прочитала им историю семьи Питкя, которую мы назвали «Паломничество птиц». Она действительно напоминает сценарий для голливудского фильма. Затем на машине мы поехали в родную деревню Хильды Паакконен – Новые Нисковицы. Хильда также вспомнила город Гатчину, больницу, где она лежала в детстве, церковь и кладбище. В деревне, которая расположена в лесу, мы нашли место, где стоял дом её семьи.

Наши долгие поиски были вознаграждены. Наши родственники пригласили нас в Швецию и обещали приезжать в Россию.

Наталья Бомова

КАПИТАН АНДРЕЙ АХМОНЕН

Андрей Петрович Ахмонен родился 24 апреля 1920 года в деревне Ювази Красногвардейского района Ленинградской области (сейчас – Гатчинский район). Происхождение семьи Ахмонен (Ahmanen) связано с соседней дер. Ахмузи (Ahmasi), где жил дядя Андрея – Исак Иванович. Семья Ахмонен не была бедной: «агитировали вступать в колхоз, но не вступили». Отец – Пётр Иванович Ахмонен – умер в 1934 году в результате травмы. Мать – Ахмонен (до замужества – Питкя) Мария Матвеевна, была родом из Кастина. Она жила в Ювазах до 1943 года. В семье было двое детей: старшая – Ольга (родилась в 1917 году) и младший – Андрей. После смерти отца Ольга Ахмонен уехала в Ленинград, где училась в медицинском техникуме.

Андрей Петрович Ахмонен окончил среднюю школу в Пудости и после её окончания продолжал жить в деревне Ювази, где помогал матери по хозяйству. В августе 1940 года он был призван в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, воевал на Карельском фронте. В 1943 году он был ранен. После окончания лечения в госпитале он прошёл ускоренный курс обучения в мореходной школе в Архангельске. После её окончания был направлен в Балтийское морское пароходство. Он прибыл в Ленинград в июне 1944 года и работал вначале в должности помощника капитана. С момента постройки ледокола

«Иван Крузенштерн» в 1966 году А.П. Ахмонен был его капитаном. Его работа была неоднократно отмечена грамотами. В 1960-х годах он работал на административных должностях в Ленинградском морском торговом порту.

В июле 1944 года А.П. Ахмонен женился на вдове старшего лейтенанта Михайлова Ивана Кузьмича – Михайловой Марии Владимировны. Её сын Юрий Иванович Михайлов жил вместе с ними и после женитьбы.

Мать А.П. Ахмонена, Мария Матвеевна, вместе со своей внучкой Мартой Яценко (дочь Ольги Ахмонен, родившаяся в 1938 году) с осени 1941 года жила под немецкой оккупацией по месту жительства в д. Ювази, а с 1943 по 1945 год находилась в Финляндии, в городе Тампере. После возвращения в Советский Союз Мария Матвеевна проживала в своем доме в деревне Ювази, а Марта жила с семьёй Ахмонен в Ленинграде. Мария Матвеевна Ахмонен умерла 21 декабря 1954 года от рака желудка. В дальнейшем их дом в д. Ювази был продан.

В 1948 году в семье Ахмонен родился сын Виктор, который умер через 3,5 месяца. Сын Александр (родился 24 января 1955 года) окончил кафедру ядерной физики Политехнического института и работал с 1984 года в Мурманском морском пароходстве. С 2008 года он работал в должности начальника службы радиационной безопасности на



Капитан Ахмонен на палубе ледокола «Иван Крузенштерн»

атомных ледоколов «Севморпуть» «Вайгач» на Федеральном государственной унитарном предприятии «Атомфлот»

С 1988 А. П. Ахмонен работал на берегу и в 1990 году вышел

на пенсию. Он умер 14 декабря 1993 года.

Подготовили
Наталья Бомова и
Алексей Крюков

«ШОЙКУЛА»: ГОД СПУСТЯ

О ситуации, возникшей вокруг Ижорской общины «Шойкула» мы уже рассказывали на страницах «Инкери» примерно год назад (№2, 2015) в статье «Сойкинский узел». Напомним, что организация неожиданно стала объектом разнуданной травли в Интернет-СМИ. Ижорские активисты убеждены, что истиной причиной стала их твёрдая позиция в отношении планов ООО «Балтийский карбамидный завод» по строительству на Сойкинском полуострове карбамидного завода, активное участие в сборе подписей местных жителей за сохранение своей малой родины. На вопросы корреспондента «Инкери» отвечает активист Ижорской общины «Шойкула» Дмитрий Харакка-Зайцев.

– Дмитрий, мы беседовали с Вами почти год назад (в марте-апреле 2015). Какие изменения произошли за это время в ситуации на Сойкинском полуострове? Имею в виду ситуацию со строительством карбамидного завода.

– К сожалению, сейчас ситуация очень запутанная. Мы получили ответ от Правительства области о том, что проект завода одобрен, но разрешение на строительство не выдано. Мы не можем сказать, являются ли ответы на наши запросы относительно строительства карбамидного завода, получаемые от органов государственной власти, достоверными, очень много нестыковок. Поэтому сейчас я никак не могу ответить на вопрос. Ясно одно, что в случае выдачи разрешения на строительство оно будет обжаловано в установленном законом порядке. На наш взгляд уже сейчас имеются определённые нарушения по процедуре, поэтому воспользоваться предоставляемыми гражданам законными механизмами – это наше право.

– Готовы ли жители и в дальнейшем противостоять этим планам? Какие меры предпринимались в течение прошедшего года и планируются будущим?

– Я думаю, прежде всего, необходимо сказать, что угроза благополучию, здоровью, будущему жителей полуострова сплотила

всех тех, кому небезразлична не только судьба ижорского народа, но и судьба Сойкинской земли.

Против планов строительства вместе выступили люди самых разных национальностей, политических взглядов.

Это проблема, в том числе, показала и кто есть кто. Думаю, что для нас – членов ижорской общины – всё происходящее заставило задуматься о тех возможностях, которые даёт Российское законодательство и международное право для защиты и прав человека в широком понимании, и специальных прав коренных народов. Я думаю, что именно сейчас происходит не только борьба за благополучное будущее, но и противостояние правовому нигилизму и безграмотности, о котором уже более 10 лет назад говорил Д.А. Медведев. Если помните, с 2001 года в ВУЗах страны стали внедрять юридическое клиническое образование и образовательные программы по правоведению. Однако за последние 2 года мы заметили, что, к сожалению, уровень правосознания среди некоторых государственных и муниципальных служащих не отвечает вызовам времени. Если ранее было принято говорить о необходимости повышать уровень правосознания и правовой грамотности среди населения, то сейчас обстоятельства изменились: население свой уровень повысило и готово общаться с представителями власти на языке права и закона, но этот диалог не всегда возможен по причине отсутствия правовых знаний теперь уже у чиновников.

Если говорить о мерах, принимаемых общиной, то их можно назвать комплексными.

В июле 2015 г. община обратилась в Правительство Ленинградской области с просьбой осуществить необходимые действия по включению территории МО «Вистинское сельское поселение» в Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации. Естественно нами были предоставлены необходимые аргументы для того, чтобы эта инициатива была поддержана. Хотя не нужно объяснять, что включение этой территории в Перечень является юридическим закреплением того, что



Дмитрий Харакка-Зайцев

есть de facto. В сентябре получили официальный ответ теперь уже бывшего руководителя Комитета по местному самоуправлению, где М.Е. Лебединский пишет следующее: «На сегодняшний день не представляется возможным выступить с инициативой по включению территории Вистинского сельского поселения Кингисеппского муниципального района в Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации».

Хочется верить, что это – досадная случайность, которая в ближайшее время будет исправлена. Со своей стороны община предпринимает все необходимые действия, чтобы требования Российского законодательства были соблюдены.

– Как развивается работа по традиционным направлениям, какие события, достижения Вы особенно хотели бы отметить?

– Говоря о комплексных мерах, я хочу отметить, что мы не сосредоточились только на вопросах экологии и природной среды, для нас остаётся актуальным направлением и популяризация знаний о культуре, истории, языке ижорского народа, воспитание молодого поколения. С помощью общины за последние годы в Петербурге, Ленинградской области и за её пределами было проведено более 15 различных мероприятий: выставки, лекции просветительского характера, концерты, поддержка экспедиций на территории исконно населённых водью и ижорами. Вообще за последние 3 года произошёл прорыв. Община стала более тесно взаимодействовать

с учреждениями культуры, научным сообществом, общественными организациями, экспертами, молодыми художниками и кинематографистами, представителями родственных ижорам народов и просто с людьми, интересующимися не только нашим прошлым, но и настоящим и будущим. Для нас важно, что ижоры преодолели изоляцию. Я говорю, прежде всего, о том, что ранее ижоры не были должным образом представлены ни на внутрисоссийском, ни на международном уровнях. Но времена изменились. Община активно участвовала в мероприятиях Финно-угорской культурной столицы 2015 года Obinita в Эстонии. Члены общины участвуют в конкурсах на получение дополнительного образования по программам ООН и общества «Финляндия – Россия» для коренных народов. Сейчас «Шойкула» стала активным участником работы по подготовке к Всемирному конгрессу финно-угорских народов (Лахти, 2016). 06 декабря 2015 г. на собрании Общины были единогласно выбраны 3 делегата от ижор с учетом квоты 4 делегата + 4 наблюдателя. Таким образом, в этот раз при формировании ижорской делегации на Конгресс 2016 года соблюдена и процедура, и баланс.

И среди самих членов Общины всё больше и больше возникает ощущение причастности и чувство общего дела, которое мы делаем вместе на благо ижорского народа и сохранения того разнообразия культур, о котором так часто говорят и в России, и за рубежом. Многие идеи и проекты носят межнациональный характер. Например, в нашей газете «Сойкинский край» мы печатаем

материалы наших соседей – финно-угорских народов. Такое общение между народами, даже через страницы газеты, очень важно для того чтобы преодолеть чувство одиночества, которое иногда возникает после столкновения с несправедливостью.

– Прекратилась ли кампания против «Шойкула» в Интернет-СМИ?

– Вы знаете, что «тролли» не спят. Любое мероприятие, где участвуют члены общины, может быть вывернуто наизнанку, чтобы это смотрелось актуально и даже провокационно. Мы перестали делать ежедневный мониторинг «грязи» в Интернет-пространстве, поскольку уже более года назад поняли, что нам не стоит тратить свою энергию на то, чтобы что-то кому-то доказывать, парируя откровенную клевету и обсуждения в СМИ «чужого нижнего белья». Мы сфокусированы на выполнении более важных для ижорского народа дел. Хотя могу сказать, что последние статьи на REGNUM меня откровенно расстроили. Расстроили своей неуместной провокационностью и оскорбительным отношением к нашим ближайшим соседям – вожанам, даже несмотря на вроде бы политкорректные исторические экскурсы. Видите ли, когда автор берётся за написание критической или аналитической статьи, в которой пытается

дать оценку, что и как думает другой человек, или целый народ, но сам предмет своей аналитики «изучил» в отрыве от реальности по историческим справкам и статьям – это обречено на провал. С одной стороны, выполняя заказ, автор стремится снискать похвалу заказчика, а с другой стороны забывает о том, что человек или народ, ставший для автора «материалом», оказывается пострадавшим, поскольку его мысли, жизненные ценности, мнения интерпретированы автором до неузнаваемости. Здесь для нас самое главное уметь увидеть истинную цель автора, а после прочтения очередной провокационной статьи не надеть по недогаду свой же костюм, но вывернутый наизнанку чужим человеком.

– Удалось наладить какое-то взаимодействие с Комитетом по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям?

– Не могу похвастаться, что за 2014-2015 годы наши просьбы приступить, в конце концов, к конструктивному диалогу были услышаны. Мы неоднократно обсуждали данный вопрос на общих собраниях общины. Надеемся, что в ближайшее время мы сможем встретиться с новым Председателем Комитета, обсудить дальнейшие действия и наладить постоянный диалог.

– Традиционный вопрос: какие у вас планы на ближайшее будущее?

– Если говорить о планах на будущее... Их много. Это и планы с обществом ингерманландских финнов, нашими коллегами из сетоских и карельских общественных организаций. Это и участие в фольклорных праздниках и фестивалях совместно с инкери, велсами, водью, эстонцами и их коллективами, участие в организации и проведении детского лагеря в Obinita. Мы также пытаемся провести в Вистино первый финно-угорский детский этнолагерь, где должны встретиться дети родственных народов: водь, ижора, финны-инкери, коми, сето, мари, мокша, эрзя и удмурты. Как раз ищем поддержку для финансирования проживания детей в Вистино. Община рассчитывает на Программу социально-экономического развития МО «Вистинское сельское поселение». Её поддержал наш местный Совет депутатов. Все заявленные общиной проекты были включены в Программу: это целевое образование для выпускников Вистинской школы, поддержка газеты «Сойкинский край», организация культурных обменов и т.д.

Есть проекты, которые мы продолжаем, а есть и совершенно новые. В этом году мы успешно выпустили календарь на 2016 год. Очень порадовала актив-

ность людей при его создании. Будем работать над созданием Ижорского календаря на 2017 год. Хочется отметить также совместную работу Никиты Дьячкова и Марины Харакка-Зайцевой над новой редакцией учебного пособия «Ižorin maa: Tuttahus», которое вышло в 2015 г. Группа ижорского языка, под руководством Никиты Дьячкова, успешно продолжает занятия в Ижорском музее.

Очень ждём первой репетиции ижорского танцевального коллектива в ДК Вистино, первого занятия ижорских женщин по созданию национальной одежды, открытия Ижорского культурного центра в д. Ручьи.

Совместно с ДК «Рыбацкий» мы начинаем проект, посвященный 105-летию путешествия Самуэля Паулахарью по деревням Ингерманландии. А совместно с Советом ветеранов нашего поселения мы готовим на 2016 г. открытие памятника уничтоженным деревням Сойкинского полуострова.

Ижор ждёт долгий совместный труд, а значит и долгая жизнь. Хватало бы времени и сил!

Беседовал Андрей Пюккенен



СОБЫТИЕ

ВСТРЕЧА С КАЛЕВАЛЬСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ

23 апреля 2016 года в «Институте Финляндии» во время семинара для учителей финского языка прошла встреча с Илоной Корхонен – музыкантом и певицей, исполняющей народную финскую музыку под сопровождение кантеле и а саpella. Свою диссертацию она посвятила калевальской традиции и метрике в творчестве Ларин Параске.

Во время встречи исполнительница рассказала о существующих способах исполнения старинных финских песен. Оказалось, что одни и те же песни можно исполнять в разной манере! Чтобы закрепить полученные знания, Илона предложила присутствующим объединиться и вместе исполнить две песни.

Первую композицию – свадебный плач невесты Kuule neito kuin

mie laulan – участники спели в калевальской манере плача. Получилась довольно грустная и пронзительная песня. Илона объяснила, что так в старину провожали невесту в новую семью, и весь свадебный народ пел эту песню за столом на разные голоса. Каждая строчка пелась дважды. Первый раз пел запевала, а затем её подхватывал весь хор.

Вторую композицию участники семинара исполнили на манер piirileikki. Отличительной чертой piirileikki является повторение припева, состоящего из набора непонятных слов, не несущих смысла – этот припев является разделителем и вставкой между строчками песни. В таком ключе, с повторением припева Koi-lei-liiri-illa-alla-liiri-laila, была исполнена вступительная песня, которой обычно на-



Илона Корхонен

чинали пение рун. Строчки руны звучали совсем по-другому, весело и задорно: «Пою, когда услышу. Что услышу – то вещаю!»

Мастер-класс завершился коротким выступлением Илоны Корхонен. Желающие могли задать вопросы касательно пения

старинных песен. Между прочим, Илона призналась, что в России у неё пока не было концертов. И мы будем надеяться, что сможем услышать её в ближайшем будущем.

Сусанна Парскинен

О ДЕТСКОЙ РАБОТЕ В «ИНКЕРИН ЛИИТТО»

С закрытием темы «репатриации» всё более очевидна необходимость поиска новых, актуальных форм работы «Инкериин Лиитто». Детская работа существует в «Инкериин Лиитто» давно – однако, как говорят, она вышла на первый план именно в последнее время.

О «детской работе» в Петербургском городском отделении «Инкериин Лиитто» (PIL) рассказали Елена Тикка и Эльвира Кириллова. Вопросы задавал Алексей Крюков.

— С чего вы начали?

— Мы возобновили детскую работу. Работа была активной в 1990-х годах. С 1993 по 1998 год работал детский сад «Тайми». Следующий период – на Пушкинской (2007-08 учебный год). У нас была учебная программа – пение и немного занятий языком. Преподавала Ольга Дмитриева. Потом детская программа переместилась в церковь (2009-12 годы). Потом какое-то время было затишье.

В 2013 году был летний языковой лагерь в Колтушах – на базе теологического института. Преподавали Садовникова и Кокко. Был ограниченный круг детей – 15 человек, все из «Инкериин Лиитто».

— Чьи это дети? Чьими силами всё это делалось?

— У кого из родителей возникает потребность, чтобы их ребёнок участвовал, тогда эти родители берут на себя часть организационной работы.

Мы начали в 2014-15 году: финский язык разных уровней для детей (3-х уровней). Проект «финский язык и традиции», включая литературу, культуру, плюс аскартелу.

Аскартелу – это рукоделие, например, игрушки из картона, аппликации, сувениры, лепка. Цветы из бумаги – это тоже аскартелу. Говорили о Калевале, об украшениях в финском стиле.

— Что значит «украшения в финском стиле»?

— В Финляндии любят рождественские украшения в виде птичек из глины, из войлока. Аскартелу в прошлом году вела Аня Матта, в этом году ведут Сусанна Паркиннен и Оля Уйманен.

В прошлом году мы уделяли внимание танцам и музыкальным занятиям. Дети занимаются



по 2 часа, один раз в неделю. Сейчас – больше внимания финскому языку. Когда удаётся, отнимаем время на пение (поют и в процессе урока). У Ольги Дмитриевой был детский репертуар.

Мы в прошлом году подготовили к Юханнусу детское выступление. Помогали Айна Яккола, Марина Баканова, Дима Куоза.

Наша программа включает языковые лагеря. В течение 2014-15 учебного года удалось провести пять лагерей, из них три в Финляндии – один в Хамина и два в Лиекса, и два у нас – один в Тайцах и один в городе, на базе Пушкинской, 15 и Дома Национальностей.

— Что вы делали в городе?

— Ходили по музеям. У нас всё за счёт работы волонтеров и родительской платы. С родителей брали по себестоимости. Основа контингента лагерей – дети, которые занимались в группе финского языка. У нас нет задачи, чтобы это были только дети ингерманландцев. Мы ни с кого не требовали справок. Брали всех интересующихся финской культурой.

Никаких дополнительных финансов у нас не было. Городской лагерь – 5 дней. В Финляндии – 6 дней, в Тайцах – 11 дней.

— Про Тайцы, пожалуйста, подробнее.

— В Тайцах – самый удачный проект. Мы базировались у Мирьи Выпираленко. Она там осуществляет свой проект – строительство домов для многодетных семей с приёмными детьми. Там есть клуб и при клубе гостиница. Там и базировались. Мирья Выпираленко любезно предложила

нам провести лагерь на её базе. В лагере было 15 детей – с 6 до 13 лет, некоторые – с родителями – они там и работали (готовили).

Ира Харпак занималась с детьми финским языком. Языка в летнем лагере 2-3 часа в день. Плюс пение, танцы (Анна Матта с Юлиусом). Там было 4-5 человек взрослых, которые были постоянно с детьми. Это люди в отпуске или многодетные мамы. Естественно работали бесплатно – как бы отдыхали. У нас был такой подход – «ребят, может, вы у нас поработаете, вы всё равно дома работаете». На них было всё, то есть распорядок – от подъёма до отбоя.

— Расскажите ещё о новогодних праздниках.

— Для Юханнуса юбки шили сами. Детей научили вязать крючком (Марина Баканова с ними вязала). Спасибо Полякову – он организовал экскурсию в Гатчину, дети ездили на экскурсию в Гатчинский дворец. Экскурсию на Киргоф проводил Володя Кокко. Приезжал Вильё Остонен, проводил спортивные занятия по национальным видам спорта несколько раз. Мы приезжали поддержать праздник национальных видов спорта – это всё было в июне, до Юханнуса. Выезжали в Сковорицы, Павел Крылов провёл мастер-класс по игре на кантеле и пению рун, в том числе на евангелические темы. Потом Павел приезжал к нам в Тайцы, продолжил это занятие, подготовили пение Калевалы (танцевального музыкального номера) для Юханнуса. Ездили в Выру в музей.

Ежевечернее обсуждение – кому что понравилось. Вожатый

у нас – Юлиус Матта, он теолог. Они (Аня и Юлиус) показали детям, как можно веселиться: «враю есть всё; самим есть нельзя, но можно угощать».

Наши дети приняли участие во взрослом Пикку-ёулу в Доме Национальностей. Очень оживили праздник. Поставили на финском сценку «теремок» с рождественским уклоном, принимали участие в конкурсах исполнения рождественской песни. Кроме того, проводили детский праздник. Приглашали всех. Пришло детей больше чем планировалось. Пекли печенье рождественское – прямо на мероприятии.

В консульстве нам предложили сделать выставку-продажу рождественских сувениров. Фарфоровые заготовки купили, дети их расписали. Теремочки расписали и обжигали. Сшили гномов несколько штук. Это тяжело.

Все школьные каникулы у нас были охвачены лагерями. Возможность поехать нам предоставляли – мы давали заявку в финские училища.

Выводы Эльвиры:

Понимая нынешнюю демографическую ситуацию, при которой финской языковой среды не существует, мы решаем задачу – как мотивировать детей. Дети не могут усвоить язык в том виде, как его преподают взрослым. Базы (училища в Хамина и Лиекса), в которых преподают финский язык как иностранный – это не лучший способ для усвоения финского языка детьми. Но выездные лагеря нужны. Наши дети ходили на физкультуру с финскими детьми. Они играли в хоккей, в ручной мяч. Мы думаем и дальше продолжать – приезжать в Финляндию на 2-3 дня, на викторины (на 5 дней нет ни денег, ни мотивации, потому что малоэффективно по языку).

Наш проект – викторины по истории Финляндии и России между нашими и финскими детьми, с призами. Наши дети пишут небольшой доклад о своём городе (доме, деревне) на финском языке. Дети из Хамина – на русском.

Все любят национальные праздники. Они обогащают всех людей, которые здесь живут. Мы даём детям то, что можем дать. Мы хотим вырастить детей культурно богатыми людьми.

Много идей: плетение из травы, птички – нитки и бисер. Основная проблема – детей мало (всего у нас человек 25).

Выводы Лены:

Без двигателя ничего не было бы. Мы видим, что, не обучая де-

тей, мы утратим последнее. Детей нужно воспитывать. Общее развитие плюс знакомство с финской темой (её нет больше нигде – никакого курса, ни книги). Эта тема очень куце представлена в учебниках. Преподаватели школьные иногда посещают наши меропри-

ятия (им предлагают родители) – они вообще не ориентируются. Финская тема многим непонятна – и в обществе непонятна, слишком долго замалчивалась. Те, кто знали, молчали.

Мы с детьми друзья, пытаемся строить дружеские отношения.

Это не просто учебный курс. Мы стимулируем их интерес – возможное зарождение интереса к финскому языку. Скорее всего, это максимум, на что мы можем рассчитывать.

Беседовал А. Крюков

МНЕНИЕ

ПРОФАНАЦИЯ – ЭТО ВЫЗОВ

Давно осталось в прошлом то время, когда всё, что касалось ингерманландских финнов, было тайной за семью печатями. Теперь ингерманландская тема популярна, она вовсю эксплуатируется. У вокзала в Токсово мы видим вывеску «Торговый дом Ингрия», на дорогах – баннеры, приглашающие купить участок или дом в «финской деревне» (Токкарленд, Мистола-хиллс и др.) Не остаются в стороне и профессиональные любители поспаций – пишущая братия. Не удосужившись освоить финский язык, они публикуют немислимые переводы, фантастические этимологии. Не зная сути дела – и не пытаясь вникнуть – спешат излагать свои суждения. Кто эти люди по роду занятий? Журналисты, «краеведы», «учёные», и даже апологеты Ингерманландии.

За последние годы на русском языке состоялась масса публикаций – статей, книг, диссертаций – затрагивающих ингерманландских финнов. Уровень многих из них огорчает. Впрочем, ошибки и незнание простительны. Серьёзные авторы, не знающие финской темы, обходят её – это можно понять. Непонятно и чудовищно другое – лёгкость, с которой авторы утверждают непонятно откуда взятую чепуху.

Географ В.И.Паранин в научно-образном сочинении «Историческая география летописной Руси» (1990) рассуждает об «острове Рус» арабских источников и помещает его в Карелии – хотя очевидно, что «остров Рус» – это Готланд. Автор не знает, что такое Туутери, и без колебаний утверждает, что речь идёт о Татари (с.70-71). На каждом шагу мы встречаем фантастические утверждения. Не будучи филологом, автор считает однокоренными словами рус. *варить*, фин. *ваара* и *вери* (с.44). Подобный подход обесценивает всё сочинение – хотя в нём есть небезыңтересные мысли и находки.

Вот «Мифы и легенды Ингерманландии» – вышло уже несколько изданий. Возьмём издание 2013 года. Значительную часть содержания книги составляют фейки (с.11-15, 19, 21-22, 34, 37, 66, 69, 73, 79, 86 и т.д.), абракадабры («свобода православия касалась русских только в отношении языка», с.52), и дикие, провокационные формулировки: «в 1700 году московские войска без объявления войны снова вторглись в Ингрию» (с.61), «репрессии против ингерманландцев со стороны русского населения» (с.89).

Вот книга: «Удивительные и загадочные места Ленинградской области» (2014). Автор – Ю. Шевчук – лихо фантазирует о сакральных свойствах Киргофской горы (с.29), о «Велесовом камне» (с.115-116), о «звенячем камне» (с.116-118). Искажённые и недостоверные рассказы о реальных объектах соседствуют со свежими фантазиями типа чудовища озера Хепоярви (с.69). Остаются только надеяться, что человек в здравом уме не будет читать эту муть.

Примеров такого рода – море. Есть книги, в них русский текст – но не русский язык, а какое-то беспомощное бормотание. Чудовищно искажённые имена, фамилии, названия мест обличают незнание авторами финской Ингерманландии. Из жалости к авторам не называю имён. Пустословие и поверхностные знания, примитивное беглое изложение, неряшливый, халтурный перевод – это профанация знаний о финнах.

Перебирая современные книги об Ингерманландии, приходишь к мысли, что при СССР на пути графоманов были рогатки – и, к счастью, они работали. Да, в советское время об ингерманландских финнах почти не упоминали – но хотя бы не писали всякого вздора. Людям, которые пишут – без всякой необходимости – откровенную чепуху, мне хочется сказать: «Ребят, может, не надо? Может, лучше почитаем?»

Об Ингерманландии написано много. Почти 100% реальной информации – на финском. Всё это доступно. Да, по-фински тоже иногда пишут глупости, но ведь и мы кое-что понимаем и сумеем отделить ошибки от фактов. Перевести всю литературу об Ингерманландии на русский – нереально. Да и не нужно.

Профанация знания об Ингерманландии стала реальной проблемой. Авторитетные суждения, основанные на частных мнениях, вредят не меньше, чем «традиционное» замалчивание ингерманландско-финской темы. На печатные тексты будет ссылаться Википедия, и неправда будет умножаться. В результате рвение отдельных «активистов» вызывает гнев и огорчение финнов, вместе с заключением: *gussa on gussa*.

Конечно, не всё так плохо – есть книги, выполненные на высоком уровне. Примеры в высшей степени достойных работ об ингерманландских финнах – исследования В.И. Мусаева «Политическая история Ингерманландии в конце XIX-XX века» (2001), Н.В. Михайлова «Лахта. Пять веков истории» (2001), В.В. Абрамова «Нарвский рубеж в годы войны и мира» (2009), сборник О. Воякиной «Земля, ставшая родиной» (2008), антология «Путь веры длиною в столетия» (2012). Эти примеры радуют – значит, есть серьёзные авторы, знающие свой предмет и умеющие связно излагать свой материал. Значит, не всё безнадежно.

Но вернёмся к профанации финской темы. Профанация – это не только негодные книги. Есть ещё «практикующие краеведы», которые вовсе не краеведы, есть «музеи», которые никакие не музеи, есть бредовые кинофильмы, есть мутные люди с национальным флагом ингерманландских финнов и незваные «защитники деревни Лужицы». Появляются новые «исторические памятники» (см. фото). Название всей этой чуме – профанация. Суть этого

явления – активное невежество и болезненное самоутверждение.

Как относиться к субъектам, которые занимаются профанацией ингерманландской темы? Жизнь показывает, что контакты с ними непродуктивны и бесполезны, а сами они ничего из себя не представляют. Скорее, их можно воспринимать как неизлечимых больных, тронувшихся умом. Мысль о том, что эти люди кем-то наняты, чтобы вредить нам специально, представляется мне болезненной конспирологической версией.

Оставим в покое городских сумасшедших, и вернёмся к своим. Вот ещё одна разновидность профанации – «финская активность» людей, пренебрегающих финским языком. Не знающих финского и не стремящихся его знать. Речь идёт о вырождении национального движения. Финская активность без финского языка – это нонсенс. В чём смысл такого движения? В том, чтобы сплясать на сцене – или чтобы где-то кого-то якобы представлять? Такая активность не то что граничит с профанацией – это она самая и есть.

Что мы можем противопоставить этому шквалу профанации? Мы не можем запретить свихнувшимся графоманам и «активистам» их пляски на останках Ингерманландии. Мы можем не уподобляться им, не писать ерунды. Пытаться – до каких-то пределов – проводить разъяснительную работу. Помогать друг другу. И главное, мы должны развиваться сами.

А. Крюков



Каменные кресты в Беседе. В 2000 г. было 3 креста, сейчас – 5

ВОЙНА И МИР ЭЙНО КЯРГИНЕНА

Почти в каждом номере нашей газеты мы рассказываем об ингерманландских финнах – солдатах Великой Отечественной. В этом номере мы публикуем воспоминания Эйно Кяргинена о боях первых дней войны, о немецком плене, работе в Финляндии. В основе материала на русском языке – рукопись Эйно Кяргинена, а также рассказ его сына – Тойво Кяргинена и внука – Павла Кяргинена.

До войны

«Наш дед, Эйно Кяргинен, родился и жил в деревне Таскумяки, недалеко от Токсова. Деревня была на красивом месте, на горке, у берегов озера Хепоярви. Эйно Кяргинен был одним из руководителей колхоза в своей деревне. К сожалению, мы не знаем, какую должность он занимал. Женился на Хилде Фоминичне Вильки из соседней деревни Вилькиля. Детство и юность Хилды были трудными. В 3-м классе Хилда ушла из школы – родители умерли, надо было кормить младшего брата Тойво. У них была корова, а может, она ещё у кого молоко брала, возила продавать молоко в Ленинград, работала в Токсово – чистила снег на трамплинах».

Война

«В апреле 1941 года Эйно был призван в Красную Армию, попал в строительный батальон, расквартированный в эстонском городе Хаапсалу, а позднее – в Пярну», – рассказывает Павел Кяргинен. – Эйно вспоминал, что немцы неожиданно ворвались в город. Солдаты узнали об этом от бегущих местных жителей.

Военные строители приняли бой на территории своих казарм, заняв позиции у окон. Бойцы отстреливались и бросали гранаты, многие полегли там, но силы были неравны, и исход боя был предreshён. Эйно раненым попал в плен. Дальше был лагерь военнопленных в Восточной Пруссии неподалеку от Кёнигсберга. В своих воспоминаниях он описывает ужасающие условия, смерть от голода многих узников. Заподозрив его в чем-то, нацисты избili Эйно до потери сознания. Очнулся в карцере на бетонном полу. Рядом лежал труп другого заключенного, который нацисты намеренно не убрали. Эйно писал, что



Колхозники дер. Таскумяки. Фото из собрания семьи Кяргинен

когда дверь открылась, и он увидел немца с автоматом, то страха смерти не было – она казалась избавлением от мучений. Но его перевели в другой барак, где условия были ещё хуже. Через некоторое время Эйно заболел сыпным тифом и был изолирован от остальных. Своим выздоровлением он был обязан врачу-литовцу, тоже военнопленному, который и в этих условиях выполнял долг медика.

В 1942 Эйно Кяргинен вместе с другими пленными финнами – «ингерманландцами» был переведен в Финляндию, в лагерь для военнопленных неподалеку от Турку. Эйно, как и многие пленные, работал на лесозаготовках, позже – расконвоированным, в доме доктора Ахола. Работа и условия были вполне сносные, но досаждал вернувшийся с фронта зять доктора – Вилле, в прошлом бежавший из СССР и говоривший по-русски. Был он человеком психически неуравновешенным. Дважды он угрожал работнику пистолетом, выкрикивая оскорбления, а в день, когда Финляндия вышла из войны, несколько раз ударил по голове, так, что понадобилась помощь врача.

Когда в августе 1944 Финляндия вышла из войны, пленных вернули в СССР и направили в Иваново. Там Эйно Кяргинен написал заявление с просьбой направить на фронт, чтобы с оружием в руках продолжать сражаться с врагом. Просьба была выполнена, но ко времени его прибытия в часть война уже закончилась. После войны Эйно Кяргинен ещё

несколько лет служил в частях Советской Армии в Румынии, Болгарии и Венгрии. Он был мастером на все руки, был сколько-то знаком с ремеслом портного и его взяли в мастерские – шить форму для офицеров. Там, на Балканах, он и встретил приказ о демобилизации.

Возвращение

Рассказывает Павел Кяргинен: «После демобилизации Эйно жил в Карелии, работал в Шуйско-Виданском леспромхозе, точил пилы, цепи, циркулярные пилы. Научился этому в плену, в Финляндии, у финнов из Канады. Папа помнит, что у него были конспекты на финском языке, с рисунками. В то время на работе не было респираторов, из-за чего он получил проблемы с лёгкими. Ездил лечиться от туберкулёза (на фото он в пансионате или санатории). Папа говорит, что дед мало о чём рассказывал. Но, что удивительно, он две тетрадки написал про войну и плен.

В конце 80-х мы два раза были в Эстонии у младшего брата деда – Микко Кяргинена. Он тоже ничего не рассказывал ни о себе, ни о брате – хоть клещами вытягивай слова. Михаил Яковлевич тоже воевал – на Карельском фронте, в Калевальском районе – пока его не отправили в Сибирь.

Папа не помнит точно – то ли наш прадед Якко, или кто из его братьев воевал ещё в японскую войну и вернулся оттуда без ноги. Где только наших не было! Служили России, исполняли свой долг...»

Из Токсова в Тикси

В то время, когда солдат был в плену, его жена Хилда с двумя сыновьями – Арви и Вяйно, свекровью, и младшим братом Тойво была депортирована в Якутию. Перед эвакуацией корову забрали и дали справку, что вернут. По дороге в ссылку умер её младший сын Вяйно. Сказать, что условия жизни в Тикси были тяжелыми – это не сказать ничего. В пургу ходили, держась за верёвки. «В бараках холодно было так, что утром волосы могли примёрзнуть к стене. И конечно же, голод... Тушёнка в бараке была неслыханной роскошью. Бывало, сварят пару промёрзших картошек с головками селёдок с помойки. И хорошо если угля для печки натырят, и ничего за это не будет», – вспоминает Павел рассказы бабушки.

Вспоминала она, что Арви тогда был маленьким и как-то, пока взрослые работали, он у соседки стащил тушёнку и съел. Специально от него убрали банку под потолок, но он её палкой сбил. Арви не знал как картошка растёт, как корова выглядит, показывал на козу и коровой называл.

В Карелии

«В 1953 году после воссоединения семьи родился мой папа, Тойво Кяргинен» – рассказывает Павел. – «Из Падозера семья переехала в Эссойлу в Пряжинском районе. Там было своё хозяйство, корова, огород. Там в 1968 году умер и был похоронен Эйно. В 1974 бабушка переехала с папой в поселок Пяозерский Лоухского района. Здесь и я родился. Бабушка много рассказывала, но мне тогда не было интересно. Сейчас я слушал бы её с удовольствием.

Помню, бабуле часто кошмары снились. Ночью кричала так, как в фильмах ужасов не услышишь. Я толкал её, и она благодарил, что разбудил. Была очень сильной. В свои 80 лет ходила за грибами и ягодами. Дома всегда был наварен черничный кисель. За здоровьем следила, в комнате пахло как у знахаря, было всё – от обычных лекарств, до мухоморов в водке. Играла на гитаре и гармошке. Любила гулять по посёлку. Люди у неё спрашивали погоду на завтра, и её прогноз всегда сбывался. Умерла она в 2004 году, в возрасте 89 лет».

Подготовил А. Пюккенен

KAUHUJA TOISEN MAILMAN SOTAN AJOILTA

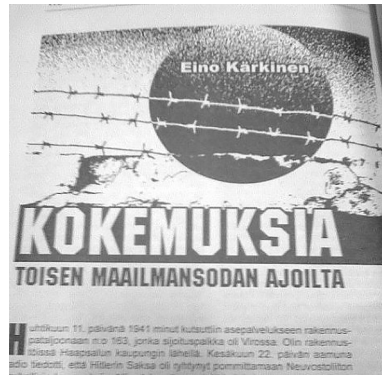
Carelia-lehdessä (2007/5) oli julkaistu Eino Kärkisen muistelmia nimellä ”Kokemuksia toisen maailmansodan ajoilta”. Karjalassa nykyään asuvat Eino Kärkisen poika Toivo ja pojanpoika Paavo, jotka säilyttivät isoisänsä käsikirjoitukset. Heidän avulla sain tutustua tähän mielenkiintoiseen kirjoitukseen. Se on kokonaan täytetty vihko, jossa on 46 sivua. Kirjoitus ei ole päiväkirja, vaan jälkikäteen kirjoitettuja muistoja. Niiden lopussa on päivämäärä – 11/VI 1961 v.

Kirjoittaja oli varmasti käynyt suomenkielistä alkeiskoulua. Yhdysosat hän kirjoitti erikseen, esim. *rautatie asemalle*. Tekstissä on vähän välimerkkejä, niin että on vaikea erottaa lauseet toisistaan. Käsikirjoituksessa tuntuu olevan murrekielen piirteitä. Kun Kärkisen käsikirjoitus toimitettiin julkaistavaksi Carelia-lehteen, alkuperäinen teksti oli aika hyvin muokattu, nähtävästi sitä varten, jotta se tulisi ymmärrettäväksi suomalaisille lukijoille. Tekijän teksti oli paikoin kerrottu toisin sanoin. Totta kai käsikirjoituksessa on paljon vaikeita kohtia. Osa kirjoittajan tekstiä jäi julkaisematta (sivut 26-33 käsikirjoituksesta).

Eino Kärkisen vihkoja lukiesani huomasin että alkuperäinen teksti on hengeltään hieman toisenlainen kuin julkaistu versio. Mielestäni Eino Kärkisen sekava kertomus antaisi lukijalle mahdollisuuden tuntea sen mitä hän oli aikanaan kokenut. Kirjoittajan alkuperäisessä tekstissä on säilynyt sekä kirjoittajan mielen kulku, että inkerinsuomen puhekielen tapa. Päätin siis että alkuperäisellä tekstillä on suuri arvo. Näin INKERI-lehden toimitukselle tuli aikomus julkaista alkuperäinen Eino Kärkisen kertomus kokonaan, ja myös kirjoittajan antamalla nimellä.

Eino Kärkisen käsikirjoitus toimitettiin täällä eri tavoin. Käsikirjoitus kopioitiin ja teksti kirjoitettiin vihkosta uudestaan. Joka vihkon sivun loppuun pantiin sen numero. Korjattuna ovat vain muutamia väärin kirjoitetut sanat, kuin *rakenus* (rakennus), *mahan* (maahan), *heineksi* (heittäneeksi), *mes* (mies), *yrittä* (yrittää), *kuntelimme* (kuuntelimme), *sihen* (siihen), *sa-vumme* (saavumme) jne. Muutamissa tapauksissa tekstiin on lisätty poissaolevat sanat – ne otettiin hakasulkeisiin.

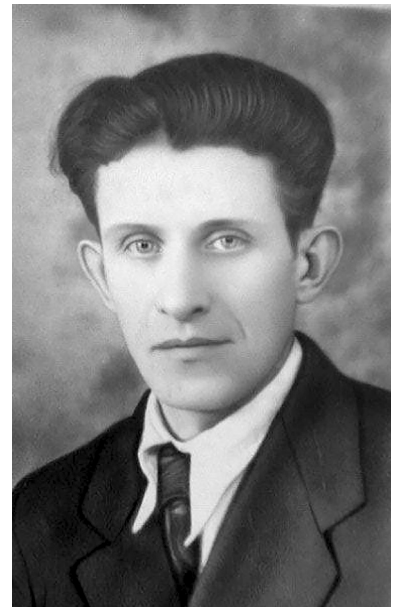
A.Krjukov



Oli 1941 vuosi, huhtikuun 11 päivä, kuin minut kutsuttiin [sotapalvelukseen] rakennuspataljoonaan № 163, joka oli Estissä, Haapsalun kaupungin lähellä. [Olin] rakennustöissä. Oli kesäkuun 22 päivä aamulla kuin ylesratio tietoiitti, että Hitlerisaksa hyökkäsi pommittamaan meidän Neuvostoliiton rauhallisia kaupunkeja. Niin lopetimme työt, läksimme siirtymään matkalle Tallinaan, ja Tallinasta osastomme 200 miestä siirryimme Pärnyn kaupunkiin heinäkuun 8 päivän vastaisena yönä ja kävimme armeijan ruokalas (1) aterialla ja aterian jälkeen muutimme ison joen sillan levolle aamuun saakka.

8. päivänä heinäkuuta läksimme ruokalaan yli sillan. Joukkomme ennätti marssia yli sillan, saapui sillan lähellä olevalle aukiolle, kun alkoivat kauheat huutot naisten äänellä kaupunkin katulla eestin kielellä ja samassa huuton melusta lasten itkua. Naisten huuto, vaikka olikin kuuma aurinkoinen päivä, kylmät vareet vierä selkään, kun eestiläiset naiset huusi: ”Varuka, varuka, varuka! Saksan sojaväet korrastaa, korrastaa!” – ja saksalaiset moottoripyörät avasi katun risteyksissä konekiväärin tulen. Rivissä (2) minun etellä oleva miestä sattu kuuta kaatui eteheni ja minä siihen samassa kaatuin maahan, josta en ylös uskaltanut nousta, vain vieremällä vierin ruokalarakennuksen seinän lähelle, siintä kartanon portille, jossa seiso kolmen tonnin kuorma-auto, ja portti oli siksi kaita, ettei seinän ja auton laitojen välitse sopinut. Vain ryömien auton alaisen joutun ruokalan kartanon sisälle. Kun nousin seisomaa, niin ruokalan salin akkunasta kolmannesta kerroksesta kehoitti eli komensi minulle: ”Aukase auton takaportta ja ota ammus latikoita.” Täyttäen komennuksen otin 2 lautaa, joissa oli naruista, käten. (3) Kantanuorut ja painavat laudat vein ruokasaliin, ja samassa tuli jälest palveleva soturi unimestari pataljoonamme, jonka nimeä en muista, se toi samassa 2 lautaa, ja me aukasimme lautat isolla ruoka-

lan leipäveitsellä, ja niissä oli kranatteja F-1. Otimme kranatit ja lataimme sytyttimet. Sanoin toverilleni käskyn valvoa rappukäytävää ovelta ja itse ikkunasta kartanon pihalle valvoin. Samassa kuulin jotain miesäänellä korulla ja ymmärtämätömällä kielellä. Vilkasin alas akunasta, saksalaisia kypärissä juoksi pihalle. Niin heitin (4) kranatin ja toisen – ja en muista tarkalleen kuinka monta tulin hei[ttä]neeksi, kui yhtäkkiä akkun vierellä olevasta ovesta ilmestyi saksalainen konepistoolia rätsittyi ympäri salia. En tietänyt sen sitä kaveriani, että mihin hän joutu, mutta porraskäytävälle ei kranatteja hän varmaankaan heittänyt, varmankin tuhoutui ennemmin kuin saksalainen pääsi rappukäytävää saliin ampumaan – ja minä olevan oven vieressä akunasta kolmannesta kerrosta hyppäsin alas kartanon pihalle, savun peittämän ilman läpi hämättävään pihalla olevaan tummaan kasaan eli olenton. Päivän aika oli sunnilleen kello 12sta. (5) Ja ruokalan salista jäi ikuinen kuva muistiini silmissäni, miten montakin soturia siellä urholisesti taisteli akkunoita katukäytävän puolella ja eestiläinen palokunta yli katun vastapäätä piti konekiväriltä meitä vastaan saksalaisten avuksi. Palokunnan tornista [ampuivat] eestiläiset, jotka 1941 kesä-heinäkuussa olivat siinä palokunnassa, olivat saksalaisten ensimmäisiä apureita. Akunasta hypätessä ilmassa sitten heti huomasin, että ne oli kranattieni tuhoamia saksalaisia, joihin päälle minä joutuin itsekin saaten hypyssä. Aikaan kykeeni kylkevitseksiin aika tärähdyksen josta siten menin (6) tajuuttomaksi, mutta selvisin sitten kun eestin palokuntalainen paloputki kätessä sammutti jotain palavaa laskien vettä, että minäkin olin ihan märkänä, kui tämä [mies] tuli ja potkaisi minua ja toraussanan viellä uhkasi: ”Kas venen mees sa kurat viellä elus olet, Saksan omien päällä”, niin minä loikoissani sain huonon tajuni varassa vastatuksi, että niinhän tässä vain olen. Taas kuului törkeä palokuntalaisen vastaus minulle, niin että ”Kust taa kurat somalainen siin saksalaiste jureen piti tulema” ja samassa se palokuntalainen meni kartanon pihasta kadulle, enkä minä voinut (7) sintä nousta, lojuin vain ja katselin saksalaisia, jotka olivat minun allani. Kääntelin päätäni enkä uskaltanut yrittää ehkä [nousta] seisomaan. Kun ei järki hyppäyksiä tärähdyksistä hitaasti toimi sen, vain laskin että 8 saksalaista siinä nurkkauksessa



loikoivat samoin märkinä niin kuin minäkin, ilman henkeä. Kranattieni heitän toimituksesta, ja samassa tuli takaisin se palokuntalainen tuoten tullessaan 2 sanitaaria, nuorta tyttöä, joilla oli yllään valkoiset halatit ja punaiset ristit, jotka nostivat minut sint saksalaisten kuolleiden joukosta, tarkastivat minua ja kyseli että missä kipeä on. Vastasin, en tunne että (8) onko missä kipeä, mutta juota haluan, taikka sisukset palavat. Ja samassa toinen sanitareista juoksi jonkekin ja toi lasin teen väristä juotavaa ja pakoitti juomaan. Minä ensin yhen suullisen ottaen kieltäyn, kun tämä oli hirveän karkea juomaa, mutta sitten ne pakotti juomaan. Ajattelin jos se myrkyä on, helpommin pääsen, ettei tässä rupea kituttamaan minua. Kun tuskasta oikea kykeä pakoitti juotuani juoman lasista, niin sanitarit ottivat minut kahta puolen käsistä kiinni ja talutivat portista ulos, jossa ei enää autoa seisonut. Ja kun menin katu[lle] ilmestyi eteni ja (9) Saksalaista sotaväkeä marssi katun taetelta. Silmiäni eteeni ilmaantui kauhun näkymä ja ääni katosi minulta, että vaikka olisin keneltä mitä kysynyt, niin ei ollut ääntä, vain piti pikkusella kynän pätkällä, joka oli jäänyt rintataskuuni, aina kirjoittaa, vastata ja kysyä. Sanitaarit vietti minut [saksalaisten] vankiksi joutuneiden joukkoon yli katun, jossa oli saksalaiset aseet kätessä vartioissa meitä.

Istuimme siinä ja kuuntelimme säälittäviä lauseita moneltakin eestin työläiseltä, jotka siihen seisottu meidän kohtalle, mutta oli hyvin paha-aikeisiakin jotka (10) siinä kirosi meitä. Yrittäpä yksi jokin rautan kappale kätessä hyökätä kimppuumme, mutta enemmän löyty joukosta esti-

Jatkuu sivulla 18

Kauhuja toisen mailman sotan ajoilta. Jatkuu sivulta 17

läisiä, jotka pahan ilksen otti kiinni, väen voimalla vei pois meidän luonta. Sitten meitä sijoittivat jonkin sotilaskasarmien tapaiseen kolmikerosiseeseen asuntoon, jossa oli olleet asuneet sotilasosasto. Sänkyt ja matrasit oli paikoillaan, jossa olimme joitakin päiviä. Ja usein kävi meillä julman näköinen mies ilman mitään sotilaskamerkkejä, meidän puna-armeijalainen vateus yllään ja kyseli julmasti että tunnustakaa hyvällä että kuka (11) kuka on kommunisti, a me kuitenkin pahalla tietot otamme, ja se kävi joka päivä sellaisilla asioilla, mutta saamatta mitään aikaan.

Siinä ollessamme tuli samaan kerrokseen siviiliasukkaita, joita tuotiin perheineen ja sijoitettiin meitä vastapäätä [olevaan] asuntoon. Ja yöllä siellä kävi hirveä kitutus, miesten ja naisten huuto piinaus, hommajien iskun läiske kuului. Ja oli joukossa lapsiakin joiden valitus huutosta ei selvää saanut itkun temmellyksessä. Toimitusta harjoittivat eestiläiset vasiti mieliset elimet. Piinattavat olivat varmaankin (12) eestiläisiä työläisiä. Sain vain liiukan upornassa käytössäni tietää eräältä 60 vuotta vanhalta naiselta jolla oli kasvoilla mustelmia iskun lyönneistä, että heitä kituttavat miehet olivat eestiläisiä karkureita, paenneita Saksaan ja nyt tulivat heitä piinamaan ja kituttamaan.

Sitten meitä vietiin rautatieasemalle ja pantiin tavaravaunuihin, joissa kuljimme Riikan kaupunkiin kaksi vuorokautta ilman ruokaa ja vettä. Ja siellä [meidät] ottivat vastaan keppien ja kumipamppujen kanssa ajoivat aitoksen sisälle. Olimme siinä nälän juoman nännytämänä. Lähitessä vuorokauden kulluttua antoivat (13) ruokaa, joka oli varustettu vanhoista perunoista ilman kuormatta. Jollakin lihalla keitto keitetty jossa oli liemessä hiekkaa ja multaa. Ja taas vaunuihin ja matkalle. Saavumme sitten isolle leirille, joka sijai[tsi] nimeltään ”Klape-ta”. Piikkilanka aitan sisällä aukiolla tyhjällä paikalla avotaivaan alla jossa oli satoja, tuhansia [ihmisiä]. Yöllä yllätti kauhea sate. Ne jotka kaivoivat kuoppia maahan ja laittaneet suojakseen makupaikan ja lammin vuoksi useita oli saten jälkeen kuolleet. Kuopat veden täyttämät olivat, mäntypuut seisoiivat kuin pylvyät pystyssä ilman oksitta. (14) Kun suuren ihmismäärän käyttävät oksat oli otettu yölevon tarpeen. Ainainen ruoka ateria oli keitto perunat kuorineen päivineen ja hiekkaliemen makuna.

Sitten taas siirto rautateitse toiseen leiriin, joka sijaitsi lähellä Königsperin kaupungia, nimeltään ”Staplak”. Leirillä oli suunnattomat määrät vankeja eri kansalisuuksia: ranskalaisia, puolalaisia, pelkialaisia ja meidän neuvostoliiton kansalaisia. Kaikki olimme eri plopeissa. Ruoka oli varta vasten piinatarkoituksen vuoksi ihan puhtas vesi ja lanttu jossa ei ollut suolaakaan mausteena. (15) Sitten alkoi yleinen saksan nacistien kitutus, tappaminen samalla lanttukeitolla. Kun sitä vtain kerran päivässä sai, niin yöllä ei nukkua saanut. Ulkohuoneen väli oli aina täynnä kulkijoita, jossa seurasi suuri kuolevaisuus, että joka aamu sai kantaa parakista ulos kuolleita, joita auto vei pois leiriltä tietämättömiin että minne, a leirin ulkohuone oli joka blokissa rakennettu rautapetonusta — isot vettä pitävät kuopat. Ja saksan tilanherrojen lannanajoautot ajoivat ja mottoripumppujen kanssa pelloille sotavankien piinaamalla tuottamaa peltolannaitetta. (16) Ja samassa oli sen piinahomman lisäksi 25 ja 50 ruoska [iskua]. Jako oli leirin komentantin määräyksestä [vanki] pantu penkkiin kiinni ja [häntä] lyötiin selkään vasten, jos henkilö huonojen voimien takia ei voinut mennä jotain työtä suorittamaan.

Meillä oli komentantti Lebedev Ivan Feodorovitš Kalinin-piirin aluelta, jota seurassimme synnyinmaahan saapumiseen asti ja luovutimme [hänet] meidän vastaville neuvostoelimille. Sitten tapahtui raakilinen tapaus. Lokakuussa 1941 iltasella tuli meidän parakkiin n:o 32 saksalainen ja kielen kääntäjä ja kysyivät kuka on nimeltään Kärkinen Eino Jakonp. (17) Ja komentantti esitti minut, kielen kääntäjä anto komennan kävellä heidän kanssaan. Ja minut vietiin saksalaisten komentatturaan kulustetavaksi, että olenko kommunisti. En vastannut mitään että olenko vai en. Seurasivat lyönnit korvalle ja toiselle, että minä en sintä sen enempiä komentatturassa muista. Heräsin vain kylmästä sementtilattialta, tajuheni aloin liikkua ja katsella että missä olen, ja huomasin etten ole yksin, joku toinen on kanssani, nukkuu vain samoin kuin minäkin. Niin nousin liikkeelle ja menin kaverin luokse, joka oli kupeellaan selkä minuun päin. (18) Katsaakseni että kuka hän on, niin se oli kuollu, ja ruumis jäykkönä, mutta ei sitä pois viety minun ollessani, siinä hän oli minun toverinani potvalussa. Ravinnoksi tuli vain lasi kylmää vettä ja pala leipää, noin oliko 100 grammaa. Oleskelin kaverin kanssa potvalussa

ja ajattelin että kohta minäkin tässä nukun sinun kanssasi ainiaksi. Vaikka potvalu ei ollut kun kylmä ja tuores niin sisuksia paahto ja aina oli halu etten ymmärtänyt, että olisi-ko tarvis juoma vai syömää. Ja sitten yhtenä aamuna kun ei ollut vielä liikettä varhain (19) leirillä, niin avautui ovi ja kielenkääntäjä komen-si, että astu pois ulos. Ja minä heikoissa voimin seinästä kiinni pitellen nousin rappuja ylös. Koitin seistä mutta ei jalat pitäneet, vain lyhistyin istumaan ja ototin että mitä tapahtuu. Saksalainen luki jotain paperista, jota minä en ymmärtänyt muuta kuin oman nimeni. Ja kielen kääntäjä antoi minulle määräyksen että kävele parakkiin n:o 32. Siinä istuessani ajattelin katsoen kumpaakin, kun saksalaisella oli ampuma-ase kätes-sään, että parempi on kun ammutaa, ehkä kuolen [niin] että loppu kituminen ja kärsimykseni. (20)

Siitä koitin kävellä katun yli, mutta jalat eivät pitäneet. Vai ryömin piikkilanka-aitan luo ja nousin käsieni avulla seisomaan. Pitelin lankaista kiinni ja tein matkaa määrättyyn parakkiin, jonne oli noin 150 metriä, mutta matka tuntuu niin pitkältä, ettei loppua tahtonut tulla. Ja viimein pääsin parakin sisälle, jossa joitakin oli hereillä vankeista ja uteliaisuu-ten vuoksi haluttivat kysellä minulta. Vastasin vain, että olen heikko, että kun tässä varmistun, niin sitten sanon teille. Ja vetäyden vapaalle olevalle paikalle loikomaa ja nukahtin matkan uvuttamana. Ja joku kavereista herätti minut jonka sukunimen muista Matvejev (21) hakemaan lanttusuppiä, niin en jaksanut, vai pyysin häntä tuomaan. Ja sain lanttusuppi-annoksen ja nousin naarin reunalle syömään. Kaverit jotka kaikki tunsivat minut kunnian vuoksi jakonen teki minulle osan lusikallisen lanttusuppiä yksi toisen jälkeen panivat minun kattilaani, joka oli polvieni välissä. Minä en muuta voinut tovereille kuin jotain kiitoksia, ja kuuntelin kuka heistä mitään puheli — ken karjalaksi, ken suomeksi ja venäjäksi, että miestä pitää auttaa, me käymme työssä ja aina saamme jokusen perunan, ja ken mitään. Hänen voimat ei riittä lähemään mukkan, kun ei jaksaa kävellä. Ja niin päivä päivältä voimat lisänty mutta hitaasti, (22) että aloin liikkua ulkonakin. Kävellessäni kylmännä päivännä huomasin ruokalan lähellä olevan katoksen ja sieltä näkyi iso lauta-arkku, joka oli täynnä kertynyt ruokalasta [tuotuja] luita. Ja mieleeni pälkähti että luissa voisi olla vielä jotain ravintoainetta, ja niin keksin pääsyn tiukan



Eino Kärkinen sodan jälkeen

lanka-aidan läpi lautalle ja sainkin isoja sääriluita, jotka piilotin paitani parveen ja ototin toisten tuloa työstä, etten uskaltanut yksin mennä samasta paikan takasin että vahtimies näkee ja käyttää asetta. Lojuin vain lautan vieressä niin kauvan kun toiset tuli töistä. Samassa joukossaan palasin parakkiin luiteni kanssa, ja sitten alkoi luihen palaisiksi pilkkominen. (23) Jono otottaa vuoroa, koska saan luut panna kiehumaa, josta jotai rasva-ainetta varmaankin lähte. Niin sainkin, vaikka ei sitä joka päivä onnistunut [hankkimaan], niin oli se lanttukeiton lisävahvistusta, ja jo aloinkin ajatella että [kun] laittavat jonkin työhön, niin sattu aina jotakin saamaan. Mutta ei onnistuneet ajatukset, vai sairastuin pilkkukuumesen ja minua eristettiin parakki 32. Toisista vetettiin pikkilanka aitan sissä. Sitten olimme vuoten omana [parakissa], jossa oli eestiläisiä, liettualaisia ja latvialaisia. (24) Jotkut ei kestäneet, tauti vei moniakin mukaansa maan poveen, ja ruoka oli aivan sama. Mutta aina mistan liettualaisen sotilasläkärin, joka oli samanlainen sotavanki kuin mekin ja kävi meitä hoitamassa, ja aina suomen kielellä kysyi minulta: ”no Kärkinen, mis vika on? Aukase vaatehet, katson teitä.” Otin peitteen päältäni ja näytin rintani ja vatsani. Hän sanoi minulle: ”Terveks tulee vai ruokaa pitää.” Mutta täitä oli jo isoja vaattessani, joita kuumeen houreessa en tuntenut, että söikö ne minua.

Niin tuli lojottua joulukuu ja tammi-kuu, helmikuukin loppuu sakka, ja lumi alkoi sulaa ja kuka jakso tautin voittaa a kenen tauti vei mukansa maapoven. (25)

Jatkuu seuraavassa numerossa.

1930-luvulla Virossa ilmestyi Sanaseppä-niminen sanomahehti. Julkaisemme tässä Sanaseppän artikkeli v:sta 1936 (N 6-7), jossa kerrotaan tuonaikaisista pakkosiirrosta Inkeristä. Artikkelit ei ole allekirjoitettuja.

Uusia joukkokarkoituksia Pohjois-Inkerissä

Viime kesäkuussa alkoi tulla tietoja, että neuvostoviranomaiset olivat jälleen ryhtyneet suuremmin määrin karkoittamaan kotiseuduiltaan Inkerin suomalaista väestöä, lähinnä Leningradin ja Suomen rajan välissä olevalta alueelta.

Huhtukuun 27 ja toukokuun 6 päivän välisenä aikana on karkoitettu Lempaalan pitäjän Hipelinmäen kyläneuvostosta: 174 perhettä ja Maanselän kyläneuvostosta: 394 perhettä, yhteensä 567 perhettä, eli noin 2,400 henkeä.

Samasta pitäjistä on myös tyhjennetty seitsemän muuta kylää. Viisi kylää on määrätty kesäkuun 15 päivän jälkeen tyhjennettäväksi ja on todennäköisesti tyhjennetty.

Toksovan pitäjässä on tyhjennetty kokonaan 12 kylää. Valkeasaaren pitäjässä on samoin tyhjennetty 15 kylää sekä Vuoleen pitäjässä ainakin 3 kylää. Miikkulaisten pitäjässä on myöskin tyhjennetty joukko kyliä.

Varovaisimmankin arvion mukaan käsitävät nimeltä tiedetävän 43 kylän karkoitukset vähintään 8000 henkeä. Karkoitettujen viety Tšerepovetsin seudulle Babajevon ja Kaduiskin piireihin. Härkävaunuihin, joissa heitä kuljetettiin, on kiinnitetty taulu ”Vapaaehtoisia siirtolaisia”. Karkoituspaikoilla ei ole saatavissa maatalous- eikä karjantuotteita. Ja joidenkin on täytynyt jo lähteä nälkää pakoon. Karkoitettujen on hajoitettu venäläisiin kolhooseihin.

Aikaisemmin on karkoitettu yleensä vain kolhooseihin liittymästä kieltäytyneitä, kirkossa kävijöitä y.m. ”neuvostovastaisiksi” leimattuja perheitä. Nyt jo kylät tyhjennetty kokonaan, erotuksesta on myös kolhoosien jäsenet, jopa kommunustitkin karkoitettu. Tämä lienee asetettava yhteyteen noin vuosi sitten kiihtyneen koululaitoksen venäläistyttämisen kanssa. Suomalainen kansallisuus on ainoa karkoittamisen aihe.

Jos neuvostoviranomaiset saavat toteuttaa aikeensa tyhjentää koko Nevan pohjoispuolisen osan Inkeriä, merkitsee se noin 25,000–28,000 syyttömän ihmisten joutumista pois kotiseuduiltaan.

Äskettäin eräältä karkoituspai-kalta paennut inkeriläinen kertoo karkoituksista m.m. seuraavaa:

Yleinen joukkokarkoitus aloitettiin heinäkuun 8. päivänä, jolloin

karkoitettujen tavarat kuljetettiin Grusinan asemalle, jossa ne lastattiin tavaravaunuihin. Vaunun kumpaiseenkin päähän sijoitettiin eläimet ja keskelle perheet. Vaunujen ulkoseiniin kiinnitettiin kirjoitukset ”Vapaaehtoisia siirtolaisia”. Jokaiseen junaan liitettiin matkustajavaunu, johon sijoitettiin aseistettuja sotilaita. Kun junat lähtivät liikkeelle, kuului jokaisesta vaunusta eläinten ulvontaa sekä ihmisten itkua ja valituksia.

Karkoituspaikalla sijoitettiin meidät venäläisen väestön keskuuteen, noin 15 taloutta kuhunkin kylään. Paikkakunta, johon meidän vietiin, on äärettömän kehittämätöntä ja köyhää. Pienet kylät sijaitsevat suurten metsien ja soitten keskellä, jonne pääsy on sangen vaikeaa. Esimerkiksi Solskin piiri, johon vietiin meidän perheemme, sijaitsee 200 kilometrin päässä rautatieasemalta.

Paikkakunnan väestön asema on äärettömän kurja. Kaikkiällä on havaittavissa suurta puutetta ja köyhyyttä. Pääelinkeinona harjoitetaan pihkan keräystä, tervanpolttoa ja kaskiviljelystä. Varsinaista maanviljelystä tunnetaan siellä sangen vähän. Maanmuokkausvälineinä käytetään yleisesti puuauraa ja risuista valmistettua äestä. Tavallisena kulkuvälineinä käytetään yleisesti puuakselilla varustettuja kärryjä. Kaiken muun kurjuuden lisäksi paikkakunnalla raivoavat monet kulkutaudit, joihin sortuu päivittäin kymmeniä ihmisiä. Niinpä kotikylämme asukkaista sortui siellä lavantautiin muutaman viikon kuluessa yli 40 henkilöä ja karkuun lähti kymmeniä perheitä. Lääkärin apua eivät karkoitettujen voi saada, sillä lähin lääkäri asuu 100 kilometrin päässä.

Kohta sinne saavuttuamme huommasimme että paikkakunnan väestö ryhtyi meitä vihaamaan ja vainoamaan. He olivat tyytymättömiä siitä, että uusia tulokkaita tuotiin väkivalloin heidän koteihinsa. Oli useita tapauksia, että öisin särjettiin niiden talojen ikkunaruudut, joissa asui Inkerin karkoitettuja. Viranomaiset eivät kiinnittäneet siihen minkäänlaista huomiota. He silittivät vain paikkakuntalaisille, että Neuvostoliitossa ovat kaikki kansallisuudet samanarvoisia.

Toimittanut **A. Krjukov**

V 1930-x годах в Эстонии выходила газета «Санасеппя». Ниже мы публикуем заметку из № 6-7 за 1936 год, где говорится о переселениях из Северной Ингерманландии. Заметка не подписана.

Новые массовые высылки в Северной Ингерманландии

В прошедшем июне начали приходить сведения, что советские власти вновь приступили к выселению в больших количествах финского населения из родных мест, прежде всего из местности между Ленинградом и финской границей.

Между 27 апреля и 6 мая были выселены 174 семьи из Хипелимякского сельсовета (приход Лемпаала) и 394 семьи из Масельского сельсовета – всего 567 семей, или около 2.400 человек.

В том же приходе выселено ещё семь деревень. Пять деревень намечены к выселению с 15 июня – по-видимому, они уже выселены.

В приходе Toksova полностью выселены 12 деревень. В приходе Valkeasaari также выселены 15 деревень и в приходе Vuole во всяком случае 3 деревни. В приходе Miikkulaisi также выселена масса деревень.

По самой осторожной оценке высланные из известных нам 43 деревень составляют не менее 8000 человек. Высланных привезли в Череповецкий округ, в Бабаевский и Кадуйский районы. На вагонах для перевозки скота, в которых их перевозили, были прикреплены таблички: «Добровольные переселенцы». На местах ссылки не достать сельхозпродуктов. Некоторым пришлось бежать от голода. Переселенцы расселены по русским колхозам.

Прежде выселяли вообще только отказывавшихся вступать в колхозы, посещавших церкви и прочих, заклеянных как «противники советской власти». Теперь деревни выселяют целиком, без изъятия членов колхоза и даже коммунистов. По-видимому это связано с ускоренным год назад переводом школ на русский язык. Финская национальность – единственная причина высылки.

Если советские власти выполнят своё намерение очистить всю лежащую к северу от Невы часть Ингерманландии, это будет означать выселение из родных мест около 25,000–28,000 невинных людей.

Бежавший недавно с места высылки ингерманландец рассказывает о переселении, между прочим, следующее:

«Общее переселение началось 8 июля, когда вещи переселяемых отвезли на станцию Грузино, где их погрузили в товарные вагоны. В оба конца вагона поместили животных, а в середину – семейства. Снаружи прикрепили надписи: «Добровольные переселенцы». К каждому составу прицепили пассажирские вагоны, где были вооружённые солдаты. Когда поезда начали движение, из каждого вагона доносились рёв животных и плач людей.

На месте высылки нас разместили среди русского расселения, где-то по 15 семей в деревне. Местность, куда нас привезли, крайне неразвита и бедная. Маленькие деревни расположены среди лесов и болот, попасть туда довольно трудно. К примеру, Шольский район, куда привезли нашу семью, находится в 200 км от железнодорожной станции.

Положение местного населения крайне жалкое. Повсюду обнаруживаются большая нужда и бедность. Основные занятия – собирание смолы, смолокурение и подсечно земледелие. Настоящее земледелие там едва известно. Землю обрабатывают всюду деревянным плугом и сделанной из жерди бороной. Обычное средство передвижения – повозки на деревянных осях. Вдобавок ко всем прочим бедствиям в той местности свирепствуют заразные болезни, от которых ежедневно погибают десятки людей. Так из жителей нашей деревни в течение нескольких недель погибло больше 40 человек и десятки семей бежали. Переселенцы не могут рассчитывать на медицинскую помощь, поскольку ближайший доктор живёт в 100 километрах от них.

Вскоре по прибытии туда мы заметили, что местное население стало нас ненавидеть и притеснять. Они были недовольны, что новых жителей насильно поместили в их домах. Были случаи, что по ночам били стёкла в домах, где жили переселенцы из Ингерманландии. Власти не обращают на это никакого внимания. Они только объясняют местным, что в Советском Союзе все народности равны».

Перевод: **А. Крюков**



ONNEKSI OLKOON!

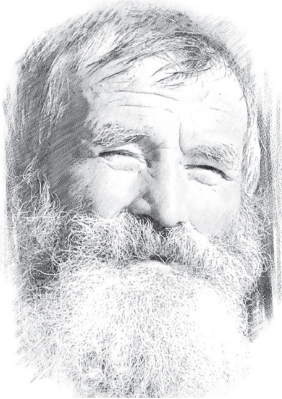
Aleksandr Hudilainen
täytti 60 vuotta
s.2.5.1956



ONNEA!
Albert Kirjanen
täytti 80 vuotta
s.9.5.1936

OMAS KIELES

Tarinaa ja totta Pärtsetäst



Pärtsetä ol' Hakajast. Hänen oikee nimi ol' Pärtty Yllö. Se ol' kaikkiin tunnettu mies koko Kurkolon niemimaal. Ennemp hiä ol' alusmies, hänel ol' oma alus. Hiä tek matkan ympär mailmaa omas laivas. Se ol' viel' tsaarin aikan. Sis hiä ol' myllärin, hänel ol' tehty kot' ja mylly ojan pääl, liki Konnun kyllää. 1930-luvus hiä ol' vanhus, ei hiä ennää mylly pitänt. Pärtsetä hävis sovan aikan, marraskuus tai joulukuus v.1943. Pärtsetän kuolemast ei-joo varmaa tietoo, sanotaa vaa ken mitä.

Pärtsetän elämän lopust muistelo Aune Kresova o.s. Karhu, kotoisin Konnult:

Pärttysetä oli hakajaine. Miun aikana hää oli jo vanha – a kui vanha, en tiijä. Parta hänel oli. Hänen myötä mäntii kouluu, Lähteemmäel. Käimmä hänel teetä juomas ja leppäämäs. Hää anto ain lapsil sokur-paloi, pikku konfettii.

Oli hänel mökki ojan pääl. Lautost oli tehty, perilat, sit uks.

Miun aikana se mylly ei toimint. Koko kylä käi myllyl ettääl. Käytti Struupal, oli siel mylly. Kolhoosin aikana eijolt tarvis myllyi, ko leipää tuotii kauppa. Hakajan kyläs oli pekkarno.

Pärttysetäl eijolt perettä, hää oli ihan yksinnä. Hänel vietiä ruokaa – ken kaalii, kel mitä oli.

Kellomestari hää oli. Oli hänel kelloi seinäl. Hää oli käynt Konnul, korjas kelloi ihmisil.

Hää ain haasto elämän asjoist, ei vaa kertont kui merel oli. Hää oli mokoma mies.

Ei hänel olt muuta ko hiiret. Loukul hää otti ne kiinni. Hää hiirii ei tappant, vei net metsää ja sano: ”no, et ennää tule”.

Ku meitä tuotii pois, oli jo pim-mee, se oli ilta. Koko päivän viettimä tien ääres, uottelimma kunnes tulloot Kiiskalast. Kun autoinka vietiä kaipalaiset, siis kiiskalaiset, siis oli Konnun vuoro. Se oli 19 päivä marraskuuta 1943.

Autoil meit lastettii ja vietiä Ust-Lugaa, siel pantii vaunuisse ja vietiä Virroo puolel.

Ilta oli pim-mee ja Pärttysetä jäi. En tiijä mitä asja oli, unohetti hänest vai mitä. Meit vietiä ettee ja ettee, ei sitä olt kellää mieles.

Siis ku tulivat jo peräst sottaa Konnul, nii ket mitä sanovat. Toiset sanovat jot Pärtsetän ammuttii Ust-Lugas, sitä miä kuulin, a onx totta en tiijä.

Sitä viel kuulin jot hää sano sasalaisil jot ”työ kuin tulitta, niin ja lähettä takasi”. Se oli vasta ku saxat tulivat. Tuolloin saxat ei tehneet hänel mittää. Emmä nähneet heist

pahhaa. Mein paikas hyö ei tehneet pahhaa.

Kerrottii jot hää rakasti yhtä tyttö, se tyttö mäni naimisii siin aikan ku hää oli merel. Ku hää kuljeske-li mertä.

Kirj. A. Krjukov, Konnul, VI-2011.



Muistopatsas, jolla epävarmoja tietoja Pärtsetästä

Kons Hamala hävis?

Myö tulimma tänne [Konnul-le] vuon 54, dekapris. Hamalas oli viel moni talloo. Elivät siel Popovat, Burovat, Leššukovat, hyö olivat kaik tulijoisii. A hamalaiset olivat Fokini, Aleksandrovi, Iljini. Soan jälkee ei niitä ennää olt. Ne kaik hajosivat.

Yks hamalaine oli naimisii täs kyläs [Konnul], miun enonka. Miun eno oli Piekon Simon Juhana [Jalonen], hänen naisen oli Outi [Jevdokia], hää oli Hamalast.

Soan aikan Hamalas eijolt palloo. Mein aikan myötii pois sarajat, ken vaa tahtoivat.

Meil saottii: hamalaiset, Hamalan niitty. Ei saottu jot hamalaiset olivat toista kansaa. Ero kieles oli vähäine. Sannoivat vaa jot hyö läkäsivät a myö haassamma.

(Kertonut Aune Kresova, o.s. Karhu, s.1929. Kirj. A. Krjukov, Konnul, VI-2011)

Hamala oli pikkarain ja puhas kylä. Yks kohalline katu ja kaks ot-saa, yks oli Mikitan otsa ili Hakajan pooliset ja toine oli Järven otsa.

Hamalas oli 15 talloo. Talot olivat kaik otsittain (= talon otsa tielle päin).

Merel käyttii kesäl ja talvel, nootanka. Rohkemp käimmä verkonka pyytämäs, ja nootanka käi pyytämäs kaik. Meren sisäs oli Simon matala. Siel oli mein apaja.

Hamalast oli tee Venankyllää, piti männä yli rautateen. Rautatee oli tehty noin v.1931.

Hamalajärvi oli meist poolen kilometrin pääst. Venan teel, teen kurraa kättä, oli virolaisii [taloi], just järven ääres. Järven toises otsas oli kera virolaisii [taloi].

Meit saottii venäläisiks. Vennään kirkko oli Joemperäl. Pärspääläiset läkäsivät toista keeltä kui hamalai-

set. Takaveljel sama keeli ko meil hamalaisil. Konnul ol toine keeli.

Hamala oli olemas veel perrää soan. No meil eijolt lup-paa ellää seel, niku soomalaisil.

(Kertonut Oudekki Jalonen, o.s. Aleksandrova, s.1908. Kirj. A. Krjukov, Helsingis, IX-1997)



Päätoimittaja Aleksanteri Kirjanen. Varapäätoimittajat Antti Pyykkönen, Aleksei Krjukov. Oikoluku Toivo Tupin, Arvo Survo, Irma Mullonen, Seija Lahtinen, Aleksei Krjukov, Julia Baksanova, Mehmet Muslimov. Kuvitus Vladimir Zernov. Taitto Kustannustalo Inkeri oy. Puh./faksi +7 812 234 86 54. Postiosoite: Venäjä 198215, Pietari, 4a-22-303, Professora Popova. Painettu kirjapainossa Inkeri kustannustalo oy, Pietari, Karpovka 5, rak. 22, h. 401. Painosmäärä 700.

Газета зарегистрирована Северо-западным окружным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, свид. ПИ № 2-6048 от 9 июля 2002 года. Учредители: А. И. Кирьянен, В. И. Койванен, А. Ю. Пюккенин, А. А. Сыров. Главный редактор А. И. Кирьянен; заместители главного редактора А. Ю. Пюккенин, А. В. Крюков. Отпечатано ООО "Издательский дом "Инкери". Телефон/факс: (812) 234-86-54. Web: www.inkeriprint.ru. Адрес: 197376, СПб, ул. Проф. Попова, 4а, корп. 22, офис 303. Тираж: 700 экз. Заказ № 87. Цена договорная. Подписано в печать 21.06.2016 г., по графику - в 14.30, фактически - в 16.00.